

Фантаст ближнего прицела

Сегодня это имя довольно прочно забыто. Зато в 1950–1970-е годы военно-приключенческие и научно-фантастические книги Николая Томана (1911 – 1974) выходили огромными тиражами, его повести и рассказы публиковались в центральных журналах, включались в сборники и альманахи (прежде всего, в альманахе «Мир приключений», членом редколлегии которого он был). Да и в 80-е, в условиях жуткого дефицита на фантастику, сочинения Томана не залеживались в библиотеках.

Николай Владимирович Анисимов (такова настоящая фамилия писателя) родился в 1911 году в Орле в семье ремесленника. Рано осиротел и его взяла на воспитание семья латышского коммуниста Томана, фамилию которого Николай Владимирович впоследствии и взял. Окончив Орловское железнодорожное училище, работал техником и инженером в депо. Уже в 1929 году появились и первые литературные публикации. Затем была служба в рядах Красной Армии и работа литсотрудником газеты «Гудок», а параллельно с этим – заочное обучение в Литературном институте им. А. М. Горького. В 1939 году пришлось вернуться в армию – в качестве командира саперного взвода участвовал в освобождении Западной Белоруссии и в советско-финской войне. А потом началась Вторая мировая война и о литературе снова пришлось забыть. Николай Томан прошел всю войну, участвовал во многих крупных сражениях – Сталинград, битва на Курской дуге, освобождение Прибалтики... В послевоенное время Томан полностью посвятил себя литературному труду.

Первые фантастические рассказы писателя – «Ветер» и «Дождь» – появились в печати в 1938 году, но они прошли незамеченными. Зато опубликованные в 1939 году в журнале «Вокруг света» рассказ «Мимикрин доктора Ильичева», посвященный созданию препарата невидимости, и повесть «Чудесный гибрид» обратили внимание читателей на молодого фантаста. Объективно говоря, «Мимикрин» так и остался едва ли не самым удачным опытом Томана в НФ. После войны Николай Томан получил широкую известность не столько НФ-произведениями, сколько многочисленными повестями о военных и военно-шпионских приключениях, таких как «Что происходит в тишине» (1950), «Загадка чертежей инженера Гурова» (1958), «Именем закона» (1962), «В погоне за Призраком» (1967) и др. Эти книги в свое время были весьма популярны.

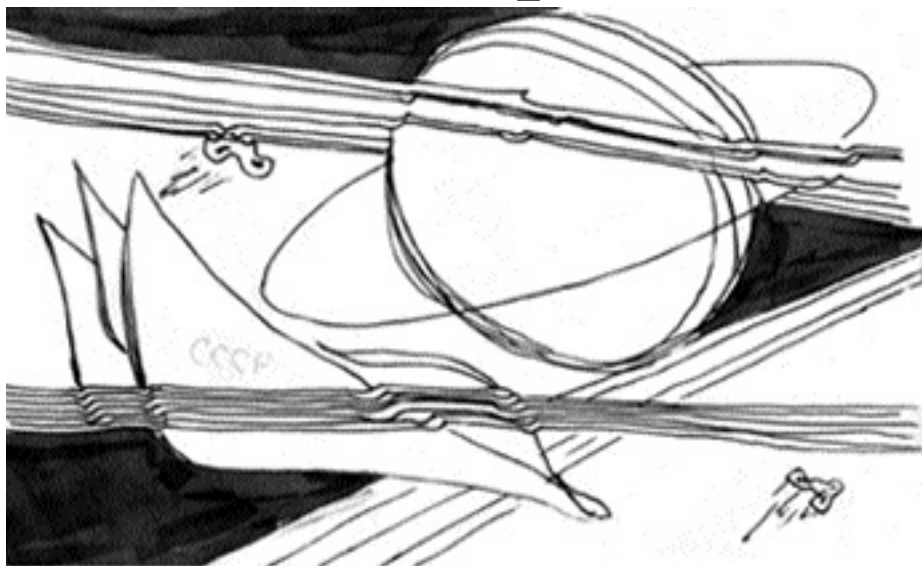
Что же касается фантастики, то тут Николай Томан до самой смерти оставался одним из самых рьяных апологетов концепции т. н. «ближнего прицела». Большинство его повестей и рассказов 1950-х представляли собой шпионские НФ-памфлеты, обличающие «злых капиталистов», пытающихся разрушить мир. Таковы повести и рассказы «Просчет мистера Бергоффа» (1950), «Секрет «Королевского тигра»» (1952), «Накануне катастрофы» (1957), «Пленники «Большого Джо»» (1958), «Made in...» (1962). В этом же русле написана и небольшая повесть «История одной сенсации», впервые опубликованная в журнале «Знание–сила» в 1956 году. Литературно слабые, эти повести, благодаря шпионско-приключенческой начинке, читались не без интереса.

В 1960-е годы Н. Томан опубликовал несколько довольно вялых повестей в духе фантастики на грани возможного, в основе которой – научно-технические изобретения, которые могут свершиться уже сегодня-завтра: «Девушка с планеты Эффа» (1960), «Говорит Космос!» (1961), «В созвездии трапеции» (1963; книга – 1964), «Неизвестная земля» (1966).

Почти все НФ-творчество Николая Томана объединено в сборники «История одной сенсации» (1960), «Говорит Космос!» (1961), «Неизвестная земля» (1966), «В созвездии трапеции» (1970).

Евгений ХАРИТОНОВ

История

ОДНОЙ сенсации

1. Видение из космоса

Лоб профессора Реймонда Писфула покрылся легкой испариной, что случилось с ним лишь в минуты крайнего волнения. Вот уже добрых четверть часа настраивал он свой телевизионный приемник на ту волну, на которой принял вчера необыкновенную передачу. Однако все было напрасно. Экран то светился тусклым зеленоватым светом, то покрывался рваными светлыми линиями, торопливо бежавшими по диагонали.

Может быть, сместилась антенна? Едва ли. Еще вчера он проверил ее крепления и уточнил положение по звездному атласу. Антенна телевизора была направлена на Альфу Центавра — ближайшую к нашей планете звезду. Проверял профессор положение антенны и сегодня вечером. Направление ее было тем же.

В чем же тогда дело? Телевизионная аппаратура тоже совершенно исправна.

Чтобы убедиться в этом еще раз, Писфул переключил направленную антенну на обычную и попробовал принять передачи столичных телевизионных станций. Мягко зашелкали под пальцами профессора переключатели диапазонов. Конверторы автоматически перестроили генераторы строчной развертки на частоту строк телевизионного изображения соседних государств. Телевизор работал безупречно. На экране возникали кадры бешеной ковбойской скачки, колеса и фары рекламируемых автомобилей, сцены из телевизионных пьес и театральных постановок. Но, как только Писфул переключился на остронаправленную антенну и вчерашнюю частотную полосу, снова все исчезло. На экране наблюдалось лишь слабое мерцание люминофоров, сопровождаемое хаотическим потрескиванием электрических разрядов в динамиках телевизора.

Неужели сегодня не удастся принять то, что так таинственно возникло

на экране телевизора вчера ночью? Он предположил даже, что изображенные это принесли электромагнитные волны, идущие откуда-то из глубины Вселенной, может быть, даже с одной из планет звездной системы Альфы Центавра. В этом не было ничего невозможного. Человечество вступило в эпоху радиоастрономии и уже принимает своими радиотелескопами электромагнитные волны, идущие к нам из глубин Галактики.

Профессор Писфул хорошо знал, что в 1946 году был обнаружен первый мощный источник радиоизлучений в созвездии Кассиопеи. В настоящее время радиоастрономы уже располагают картой, на которую в пределах одной только нашей Галактики нанесено около двух тысяч «радиозвезд». А с помощью современных остронаправленных приемных антенн удалось обнаружить радиоизлучения и за пределами нашей Галактики — в туманности Андромеды, удаленной от Земли более чем на миллион световых лет.

Человечество и само уже посылает радиосигналы в космос. В 1946 году в сторону Луны был направлен первый радиоимпульс, который, отразившись от ее поверхности, вернулся на Землю. А в январе 1959-го впервые в истории человечества в течение шестидесяти двух часов осуществлялась надежная радиосвязь с советской космической ракетой на расстоянии полумиллиона километров от Земли. Для распространения электромагнитных волн в космосе нет, следовательно, никаких препятствий. Нет, значит, ничего невероятного в том, что с какой-то из планет ближайших к Земле звездных систем могла прийти к нам телевизионная передача. Наивно думать, что населена разумными существами, достигшими высокой технической культуры, только наша планета. Естественнее допустить, что мы не составляем исключения.

Профессор Писфул хорошо знал все это, и у него не было сомнений в возможности приема космической телепередачи. Его смущало только то обстоятельство, что так упорно не

удавалось принять ее снова. Он включал свой телевизор и в дневное время, но бушевавшая весь день гроза мешала настроить приемник с достаточной точностью.

В чем же теперь помеха? Почему на экране мелькает лишь нервный пунктир светлых прерывистых линий?

Нечасто приходилось профессору Писфулу нервничать так, как в этот вечер. Ему все яснее становилось, что сегодня, видимо, уже не удастся принять никакой космической передачи...

На мгновение мелькнула мысль: «А может быть, все, что он видел вчера на экране своего телевизора, — просто какой-то неизвестный пока вид телевизионного миража или результат нервного переутомления?..» Но тогда пусть бы и генерал Хазард оказался каким-нибудь фантастическим видением...

Хазард, однако, присутствовал в кабинете Писфула совершенно реально и вот уже около часа с иронической улыбкой наблюдал за суетливыми движениями профессора.

Нужно же было столь поспешно рассказать ему о вчерашней космической телепередаче!

Можно было бы, конечно, привести многие причины, по которым не удастся принять ее сегодня. Виною всему, видимо, капризы ионизированных слоев атмосферы, но разве объяснения эти удовлетворили бы генерала Хазарда, человека нетерпеливого, верящего только конкретным фактам? Он теперь не только иронически улыбался, но и позевывать начал довольно демонстративно.

Когда-то Писфул и Хазард учились вместе в средней школе и даже дружили некоторое время, но от прежней их близости не осталось теперь и следа, если не считать ничего не значащих улыбок да вялых рукопожатий при встречах.

Были они людьми не только разных профессий, но и не сходных характеров. Столь же различна была и их внешность. Генерал Хазард — весь воплощение воинственности: огром-

ный рост, могучий голос, грудь, выпяченная столь величественно, что черты лица уже не имели никакого значения. Профессор же Писфул — полная противоположность своему бывшему однокашнику: прост, скромн, неприметен. Если он и выделялся чем-нибудь из общей массы коренных жителей Грэнд-сити, то главным образом своей необычайной худобой. Не отличалось ничем особенным и выражение его худощавого, слегка продолговатого лица интеллигентного человека, не избалованного успехом.

Генерал Хазард после войны стал важной персоной в военном министерстве, а Писфул оставался все тем же скромным ученым, специалистом по электронике и телевидению, каким был и в довоенные годы. Хазард, не раз предлагавший Писфулу хорошо оплачиваемую работу в военном ведомстве, махнул в конце концов на него рукой, как на человека, по его мнению, не только чудаковатого, но и недалекого.

Писфул же считал Хазарда типичным карьеристом и солдафоном, однако знакомства с ним не только не порывал, но в последнее время даже стал побаиваться, как бы Хазард не перестал его узнавать. Оттого-то он и нервничал теперь так, беспрестанно вращая ручку настройки телевизора и чувствуя, как постепенно начинают неметь от усталости кончики пальцев.

А генерал Хазард между тем уже не только позевывал, но начал и покашливать. Экая все-таки досада, что не удастся поймать вчерашнюю передачу! Не избежать теперь насмешек генерала.

— Так-так, — усмехаясь, проговорил Хазард, шумно поднимаясь с дивана. — Твои гости из космоса, кажется, чертовски застенчивые парни и предпочитают являться тебе одному. Признайся-ка лучше, старина, не хватил ли ты лишнего вчера вечером?

— Ну, знаешь ли!.. — обиженно воскликнул Писфул и с раздражением выключил телевизор.

— Какой ты обидчивый, однако! — рассмеялся генерал. — Шуток не понимаешь. Ну что ж, давай тогда пого-

ворим серьезно. Ты, значит, совершенно уверен, что принял вчера передачу из космоса, из иного мира, так сказать?

— Вне всяких сомнений, — холодно отозвался профессор Писфул, задевший за живое грубой шуткой Хазарда.

— А чем же ты докажешь это?

— Да хотя бы числом строк в кадре. Их было 1200! Это не только более чем вдвое превосходит четкость нашего отечественного телевидения, но и вообще является предельной четкостью, какую только способен воспринять человеческий глаз.

— А какова четкость в других странах? — спросил Хазард, все еще не проявляя серьезного интереса к словам Писфула.

— Тоже не далеко от нас ушли, — без особого энтузиазма продолжал профессор. — Наибольшее количество строк имеет пока только Франция — 819. Есть, правда, сведения, будто русские успешно осуществили лабораторные опыты по передаче изображения с разбивкой его на 1050 строк. Но ведь это всего лишь опыты. Да и потом, Советский Союз слишком далеко от нас, а ультракороткие волны, на которых осуществляются современные телевизионные передачи, могут достаточно устойчиво распространяться только по прямой линии до горизонта. Практически, следовательно, в радиусе 80 — 100 километров. Лишь при особо благоприятных условиях достигают они дальности в несколько сот километров.

Профессор зажег полный свет в кабинете и усталой походкой прошелся по ковровой дорожке, проложенной от письменного стола через всю комнату. Генерал снова уселся на диван и, закулив сигарету, с рассеянным видом стал рассматривать картины, развешанные по стенам. Все они были либо подлинниками, либо хорошо исполненными копиями работ старых мастеров реалистической школы.

«Чертовски старомоден наш профессор», — не без самодовольства подумал генерал Хазард, признававший в живописи только шедевры абстракционистов.

— Ты, я вижу, все еще не веришь мне? — остановившись перед Хазардом, спросил Писфул.

В прищуренных глазах Хазарда светилась явная насмешка.

— Откровенно говоря, старина, не особенно верю, — признался он. — Что-то очень уж все это похоже на фантастику. Мы чертовски увлекались ею в детстве, но благоразумно остерегаемся теперь, став взрослыми людьми. Да и, сказать по правде, доказательства твои не очень-то убедительны. Ты только не обижайся, пожалуйста...

— Хорошо, — все еще не сдавался Писфул, — я подтвержу свои выводы еще некоторыми фактами, хотя такого скептика, как ты, ничем, пожалуй, не проймешь.

— Да, — самодовольно усмехнулся Хазард, — я действительно привык верить только бесспорным фактам. Даже в атомную бомбу поверил только после того, как увидел собственными глазами ее великолепную «работу».

— Может быть, ни к чему тогда и дополнительные доказательства? — снова насутился Писфул.

— Напротив, старина, выкладывай все, и как можно обстоятельней.

— Ну что ж, изволь.

Писфул, усевшись рядом с Хазардом, прикурил предложенную им сигарету и продолжал теперь уже спокойным, бесстрастным голосом, каким беседовал обычно со своими студентами на лекциях:

— Ты знаешь, наверное, что при приеме обычных наземных телевизионных станций нельзя избавиться от искажений даже с помощью самых усовершенствованных антенн. Их можно лишь уменьшить в какой-то степени. Особенно заметно это в городах, где высокие здания и крыши домов отражают сигналы телевизионных станций в разные стороны. Ну-с, а я вот принял вчера телепередачу без малейших искажений. А это возможно только в том случае, если она ведется сверху.

— А почему бы ни допустить, что ее вели с самолета? — заметил Хазард.

— Но кто? Я запросил все наши

экспериментальные телестудии — никто из них не проводил вчера подобных опытов. К тому же принял я эту передачу поздно ночью, когда вообще не работала ни одна телевизионная станция.

Хазарда все это, видимо, не очень убеждало; однако он спросил, теперь уже без иронии:

— Ну хорошо, допустим на мгновение, что ты действительно принял передачу с другой планеты — но почему же принял ее только ты?

— Да по той простой причине, что ни у кого другого нет столь чувствительного приемника и такой остронаправленной антенны, как у меня.

— Допустим и это. Но откуда могла прийти подобная передача? С Марса, с Венеры? Ученые если и не отрицают полностью возможности жизни на этих планетах, то сомневаются, что она могла достичь там столь совершенного развития, как у нас на Земле. Что ты возразишь на это, старина?

Писфул ожидал подобного вопроса и не задумываясь ответил:

— Сомневаются в существовании разумных существ на Марсе и Венере не все. Советский астроном профессор Шкловский, например, совсем недавно высказал довольно убедительное предположение об искусственном происхождении спутников Марса. А если это так, то не может быть сомнений, что создали их разумные существа, достигшие очень высокого технического совершенства.

— Но где же они? — усмехнулся Хазард. — Почему не дают знать о себе?

— А кто знает, — серьезно отозвался Писфул, — может быть, принятые мною телевизионные сигналы и являются одной из их попыток связаться с нами... Ну, а к тому же кроме Марса и Венеры есть еще и другие планетные системы. Никто из астрономов не отрицает возможности существования планет у таких ближайших к нам звезд, как Альфа Центавра, Звезда Бернарда, Вольф, Лаланд, Альфа Большого Пса...

— Ого, куда ты хватил, старина! — рассмеялся генерал. Мой тебе совет — не рассказывай никому о твоём «виде-

нии», а то тобой не только университетская газета, но и вся наша пресса займется, и уж тогда мне труднее будет выручить тебя из беды.

Долго в этот вечер не ложился спать профессор Писфул. Он досадовал на все: на себя, на свой телевизор, на капризы ионосферы, а более всего на генерала Хазарда, напомнившего ему один из неприятнейших дней его жизни, когда его скромной персоной действительно заинтересовалась университетская газета. Случилось это года полтора назад, когда на одной из лекций по электронике профессор Писфул случайно обронил фразу, что недалеко, видимо, то время, когда прямая радиосвязь окажется возможной не только с самыми отдаленными точками земного шара, но и с другими планетами.

Одно это заявление не наделало бы, конечно, большого шума в университете. За Писфулом давно уже укрепилась слава неисправимого фантазера, и над его верой в обитаемость иных миров могли бы только добродушно посмеяться. Однако профессор Писфул, утверждая обитаемость Вселенной, пытался не только полемизировать с английским астрофизиком Джеймсом Джинсом, но и критиковать его теорию об исключительности происхождения нашей Солнечной системы. Джинс же был весьма почитаем в университете, ректор которого считал себя самым ревностным его учеником и последователем.

Масла в огонь подлила университетская газета, упрекнувшая Писфула не только в материализме, но и в марксизме. Поводом к этому послужила высказанная им мысль о том, что слишком уж сложная структура материального мира убедительнейшим образом свидетельствует о не божественном его происхождении. Богу, по мнению Писфула, незачем было бы так мудрить.

Дело тогда могло бы кончиться для Писфула плачевно, не обратись он за помощью к генералу Хазарду...

Вспоминая теперь всю эту не очень приятную историю, профессор Писфул невольно задумался и над

возможными последствиями своего теперешнего открытия. Найдутся, конечно, люди, которые припомнят ему вольнодумство. И сделать это может не только недруг Писфула — преподаватель богословия, но и декан философского факультета Бросерс.

— Да, не безопасно в наше время делать научные открытия! — тяжело вздохнул Писфул, стараясь вспомнить таинственный кадр, возникший прошлой ночью на экране его телевизора.

Сегодняшняя неудача и неприятный разговор с Хазардом очень расстроили профессора. Он и сам теперь начал во всем сомневаться и уже не без труда восстановил в памяти внешние контуры какого-то странного сигарообразного сооружения, могущего быть как аппаратом для полета, так и гоночной машиной или вездеходом. Ничего подобного Писфулу не доводилось видеть прежде.

Однако не только эта необычная конструкция привлекла внимание профессора. Поразило его и другое — причудливая природа, на фоне которой наводился этот аппарат, да какие-то фигуры, облаченные в скафандры... Жаль только, что изображение было не очень четким, к тому же оно померкло вскоре, и Писфул не смог разглядеть его во всех подробностях.

Досадно было также, что не удалось принять звук, которым, видимо, сопровождалась эта телепередача. Да и вообще это телевизионное изображение казалось теперь Писфулу каким-то фантастическим сновидением. Может быть, ему и в самом деле только померещилось все это или приснилось? Он ведь почти всю ночь просидел тогда у экрана телевизора и чертовски устал... Но что бы там, однако, ни было, а он никому уже больше не будет рассказывать об этом, пока окончательно не убедится, что действительно принял телевизионную передачу из космоса. Он и Хазарду, пожалуй, не сообщил бы об этом так поспешно, если бы сам генерал не зашел к нему с приглашением принять участие в испытании нового телевизионного аппарата, предназначавшегося для военных целей.

Лишь под самое утро заснул наконец Писфул тревожным сном. Снилось ему разная фантазмагория: то марсиане в том уродливом виде, в каком описал их Уэллс в «Войне миров», то разъяренные студенты во главе с деканом философского факультета, иступленно скандирующие его имя...

Разбудил Писфула телефонный звонок. Писфул недовольно поднялся с постели и нехотя снял трубку.

— Это ты, старина? — услышал он веселый голос генерала Хазарда. — Ну, как поживают твои марсиане? Они не являлись тебе больше?

— Оставь, пожалуйста, меня в покое с этими марсианами! — раздраженно ответил Писфул, чувствуя, как снова начало тоскливо ныть сердце.

— Вот и напрасно, — все тем же веселым тоном продолжал генерал. — О твоих марсианах есть уже экстренное сообщение в утренних газетах.

— Как?! — не то простонал, не то выкрикнул профессор, судорожно хватаясь за спинку стула...

2. Сенсационное сообщение генерала Хазарда

Торопливо набросив на плечи теплый халат, Писфул выбежал в коридор и выхватил торчавшие из щели почтового ящика утренние газеты.

На первой полосе одной из них было крупно напечатано:

«Профессор нашего столичного университета доктор технических наук Реймонд Дж. Писфул принял сконструированным им сверхчувствительным телевизором передачу из космоса!

Генерал Хазард свидетельствует достоверность сообщения профессора Писфула. То, что он увидел на экране телевизора Писфула, встревожило его. По словам генерала Хазарда, космическая телепередача носила агрессивный характер».

— Боже мой! — воскликнул изумленный профессор. — Что за бред! Какой агрессивный характер имеет он в виду? И потом, Хазард вообще ведь ничего не видел...

А в это время генерал Хазард уже нажимал кнопку звонка у дверей квартиры Писфула.

— Слушай, что же это такое?! — набросился на него профессор, нервно теребя газету. — Не понимаешь разве, в какое положение ты меня ставишь? Все это пахнет шарлатанством и грандиозным скандалом! Я уверен...

Не договорив, он торопливо бросился к радиоприемнику и настроился на волну центральной радиостанции Грэнд-сити. Из динамика раздался взволнованный голос диктора:

— Генерал Хазард уверен, что видел на экране сверхчувствительного телевизора профессора Писфула мощную космическую ракету, несущуюся в сторону Земли. По его словам, внешне она имеет много общего с нашими управляемыми снарядами и межконтинентальными ракетами, предназначенными для обстрела стратегических объектов...

Профессор в сердцах выключил радиоприемник и совершенно обесиленный опустился в кресло. А генерал Хазард как ни в чем не бывало закурил сигарету и развалился на диване в самой непринужденной позе.

— Я сошел с ума или уже началось светопреставление? — прохрипел Писфул, прикладывая ладонь ко лбу.

— Нет, ты не сошел с ума, старина, — невозмутимо отвечал Хазард. — Светопреставление тоже пока еще не произошло.

— Но, позволь, что же тогда такое они печатают и передают по радио?

— Только то, что я сообщил их корреспондентам. Ни слова больше.

— Так выходит, что ты поверил мне? — удивился Писфул, и усталые глаза его слегка оживились.

— Ничуть не бывало, — усмехнулся генерал, беспечно попыхивая сизоватым дымком сигареты.

— К чему же тогда вся эта комедия?! — раздраженно воскликнул окончательно выведенный из себя профессор.

— А ты что же, и сам уже не веришь, что принял телевизионную передачу из космоса? — ехидно улыбаясь, спросил Хазард.

— Перестаю верить... Почти не верю! И уж конечно, никаких космических аппаратов типа межконтинентальной ракеты я не видел на экране моего телевизора, если только все еще нахожусь в здравом уме...

Генерал Хазард по-прежнему сохранял не только спокойствие, но и веселое настроение. Улыбаясь, посмотрел он на покрывшийся испариной лоб профессора и укоризненно покачал головой.

— Возьми себя в руки, старина, — наставительно проговорил он. — К чему вся эта истерика? Ничего страшного не произошло. Напротив даже, все идет как нельзя лучше. И если только у тебя осталась хоть крупица здравого смысла, ты должен понять, что никогда еще не было у тебя большей возможности прославиться.

— Черт с ней, со славой, — безнадменно махнул рукой Писфул. — Только бы выпутаться из этой кутерьмы...

— А я тебе говорю, ты прославишься, — убежденно повторил генерал Хазард, шелчком посылая окурок сигареты в массивную пепельницу, стоявшую на письменном столе. — Давай только действовать теперь сообща...

Профессора Писфула, как и всех прогрессивных ученых его страны, беспокоила, конечно, военная истерия, всячески разжигаемая атомными генералами типа Хазарда. Но в отличие от других ученых, более или менее активно выступавших против этого, Писфул предпочитал отмалчиваться, ибо был самым обыкновенным трусом, перепуганным на всю жизнь университетской газетой, обвинившей его в марксизме.

Читая тайком прогрессивные газеты, профессор в душе соглашался почти со всем, что в них писалось. Он и сам был не только против новой мировой войны, но и против балансирования на грани такой войны. Более того, он был за решительное смягчение отношений между Западом и Востоком, но никому не решился бы сказать об этом открыто, ибо не сомневался, что за столь крамольные мысли в два счета вылетел бы из университета.

А вот теперь ему предлагалось соучастие не только в разжигании военной истерии, но и в явном обмане общественного мнения, в прямом шарлатанстве. Что же делать в таком положении? Как отказаться от этой аферы, чтобы не разгневать всемогущего генерала Хазарда? А ведь он, Хазард, зашел так далеко, что, возрази Писфул против того, что наговорил Хазард журналистам и представителям радиовещательных компаний, генералу нелегко будет выпутаться, а уж потом он, конечно, ни за что не простит этого Писфулу.

Хазард стоял теперь перед профессором с очень решительным видом, и уже не усмехая, а почти угроза светилась в его прищуренных глазах.

— Ну как, старина, долго ты еще будешь раздумывать? Учти, что газетам, особенно «Сирене», мое сообщение очень понравилось. На этой сенсации они заработают большие деньги и никогда не простят тебе, если ты сорвешь им этот бизнес. А ты сам знаешь, что могут сделать с человеком газеты, если захотят. И потом, могу сообщить тебе совершенно конфиденциально, что и военное министерство не безразлично ко всему этому... Надеюсь, ты понимаешь меня?

— Ничего я не понимаю, Оливер... — почти простонал Писфул. — Дай мне подумать, собраться с мыслями. Завтра утром мы вернемся к этому...

— Никаких проволочек, старик! — уже совсем грозно проговорил Хазард. — Не понимаешь ты разве, в какое положение ставишь теперь меня? Газеты ждут от нас новых сообщений о «марсианах». И они будут! В противном случае для тебя это может очень плохо кончиться. Сам ведь вчера весь вечер бубнил мне об этих марсианах, клялся, что видел их, а теперь от всего отказываешься. В хорошенькую историю ты меня впутал.

— Но ведь ты же не верил... — попробовал было возразить Писфул, но Хазард раздраженно прервал его:

— Да, сначала не верил. А потом пришел домой, поразмыслил хорошенько и решил, что все действительно может быть так, как ты говорил.

Почему бы и в самом деле не пожаловаться к нам марсианам? Астрономы утверждают, что их Марс в климатическом отношении куда хуже нашей Земли, так почему бы им не перебраться на нашу планету? Я даже думаю теперь, что «летающие тарелки», еще совсем недавно наделавшие столько шума на нашем континенте, есть не что иное, как управляемые на расстоянии телевизионные разведчики этих марсиан. Они, видимо, уже давно приглядывались к нашей планете и изучили ее с помощью таких «летающих тарелок». Да и потом, ты же сам рассказывал мне, что видел на экране своего телевизора их воинственные фигуры и аппараты?

— Нет, Оливер, я не видел там ничего воинственного, — вяло возразил генералу профессор Писфул. Он уже потерял всякую надежду хоть в чем-нибудь разубедить Хазарда. — Я теперь не уверен даже, что принял в ту злополучную ночь вообще какую-либо телепередачу... Но уж если допустить все же, что собираются к нам лететь разумные существа с Марса или с одной из планет Альфы Центавра, то нет сомнения, что они должны быть настроены к нам миролюбиво.

— Миролюбиво! — раздраженно передразнил Писфула Хазард. Очень ты разбираешься в том, что миролюбиво, а что агрессивно. Я человек военный и мыслю строго логически. Для меня несомненно, что, если у марсиан есть военное преимущество, они непременно им воспользуются для улучшения своего жизненного пространства. А преимущество у них явное, раз они в состоянии передавать свои запугивающие телепередачи к нам на Землю. По этим вопросам ты со мной не спорь, пожалуйста! Ну так как, согласен ты на мое предложение, старина?

Положение Писфулу казалось теперь таким безнадежным, что терять уже вроде было нечего, и он вяло кивнул Хазарду в знак согласия.

Выудив у профессора все необходимые ему сведения, генерал в тот же день развил бешеную деятельность. А несколько дней спустя вечерние газе-

ты и последние известия по радио уже трубили не только по всей стране, но и по всему западному полушарию:

«Профессор Писфул предлагает всем владельцам телевизоров лично убедиться в достоверности его сообщения с помощью конверторов, которые преобразуют 1200 строк космической передачи в 525 отечественного стандарта. Конверторы эти со следующей недели можно будет приобрести в магазинах акционерного общества «Эфир» не только в Грэнд-сити, но и во всех других городах нашей страны».

Газеты и радио умалчивали при этом, что генерал Хазард скупил почти все акции «Эфира» до того, как стремительно поднялся их курс в связи с сенсационным сообщением о космических телепередачах.

3. Керри интервьюирует генерала Хазарда

Мистер Хэйт — издатель многотиражной газеты «Сирена», немолодой уже человек с длинной жилистой шеей и многоярусными мешками под глазами, — не дослушав доклад одного из своих редакторов, прервал его раздраженно:

— Не думал я, что вы пошлете к Хазарду эту девчонку.

— Она очень толковая журналистка, мистер Хэйт, — попытался оправдаться редактор.

— А нам не нужны толковые и даже талантливые журналисты, — повысил голос издатель «Сирены». — Вы еще, может быть, скажете, что у нее есть свое мнение? Этого только не хватает! Нам такие не годятся, мистер Пейдж. Запомните это раз и навсегда! Сколько раз говорил я вам: нанимайте в нашу газету только тех, кто пишет просто и быстро. Наша «Сирена» должна быть доступна каждому кретину, не привыкшему много философствовать.

— Но у нее хороший слог...

— К черту ваш хороший слог! Все это одно кривляние. Сотрудники нашей газеты должны писать настолько просто, чтобы понять их смог любой рядовой болван.

Стоило ли верить Хэйта в том, что Керри Демпси пишет как раз очень просто и доходчиво? Издатель невзлюбил девушку за какую-то ее статью, показавшуюся ему непонятной.

— Учту это на будущее, мистер Хэйт, — покорно проговорил редактор, хорошо знавший, что хозяину «Сирены» все равно теперь ничего уже не докажешь.

— А то, что принесет эта девица от Хазарда, покажете мне лично, — смилостивился наконец Хэйт. — Не верится мне что-то, чтобы справилась она с таким серьезным материалом. Плохое у вас чутье, мистер Пейдж. Как же вы не чувствуете, что интервью с генералом Хазардом обещает быть сенсационным?

— Уж очень все неправдоподобно, мистер Хэйт... — робко заикнулся было Пейдж.

— Неправдоподобно? А много вы знаете правдоподобных сенсаций? В основе добротной сенсации, если хотите знать, всегда лежит отказ от логики. Если, например, собака укусила человека — разве это сенсация? А вот если человек укусил собаку — совсем другое дело! Это уже сенсация!

...А Керри Демпси сидела в это время перед генералом Хазардом и задавала ему такие вопросы, которых он никак не ожидал от корреспондентки газеты «Сирена». Он не сомневался: его непременно попросят рассказать поподробнее, что он имел в виду, сообщив радиослушателям и читателям столичных газет об агрессивном характере космических передач. Но вместо этого совершенно естественного, с точки зрения генерала, вопроса пришедшая к нему журналистка спросила вдруг:

— А вам не кажется, мистер Хазард, что демонстрируемые профессором Писфулом космические телепередачи пахивают мистификацией?

— Ну, знаете ли!.. — только и мог проговорить пораженный генерал, широко разведя руками.

— В погоне за славой эти старички ученые иногда ведь...

Но тут генерал решил одернуть дерзкую девчонку.

— Да вы за кого же меня принимаете, уважаемая? Что же, по-вашему, меня ничего, значит, не стоит одурачить?

— Я этого как раз не думаю, мистер Хазард. Напротив, не сомневаюсь, что вас не легко одурачить, — с деланной наивностью проговорила Керри. — Потому и спрашиваю вас: не показалось ли вам, что профессор Писфул...

— Если бы мне это показалось, — снова самым решительным образом прервал ее генерал, — я бы не стал общаться об этом ни газетам, ни радиокомпаниям. И вообще, мне думается, уважаемая мисс...

— Демпси, — подсадила Керри.

— Уважаемая мисс Демпси, — повторил Хазард внушительным голосом, — вам следовало бы не сомнения свои мне высказывать, а поинтересоваться теми бедствиями, какие грозят в недалеком будущем нашей планете.

— Вы полагаете, значит...

— Я не полагаю, я утверждаю это.

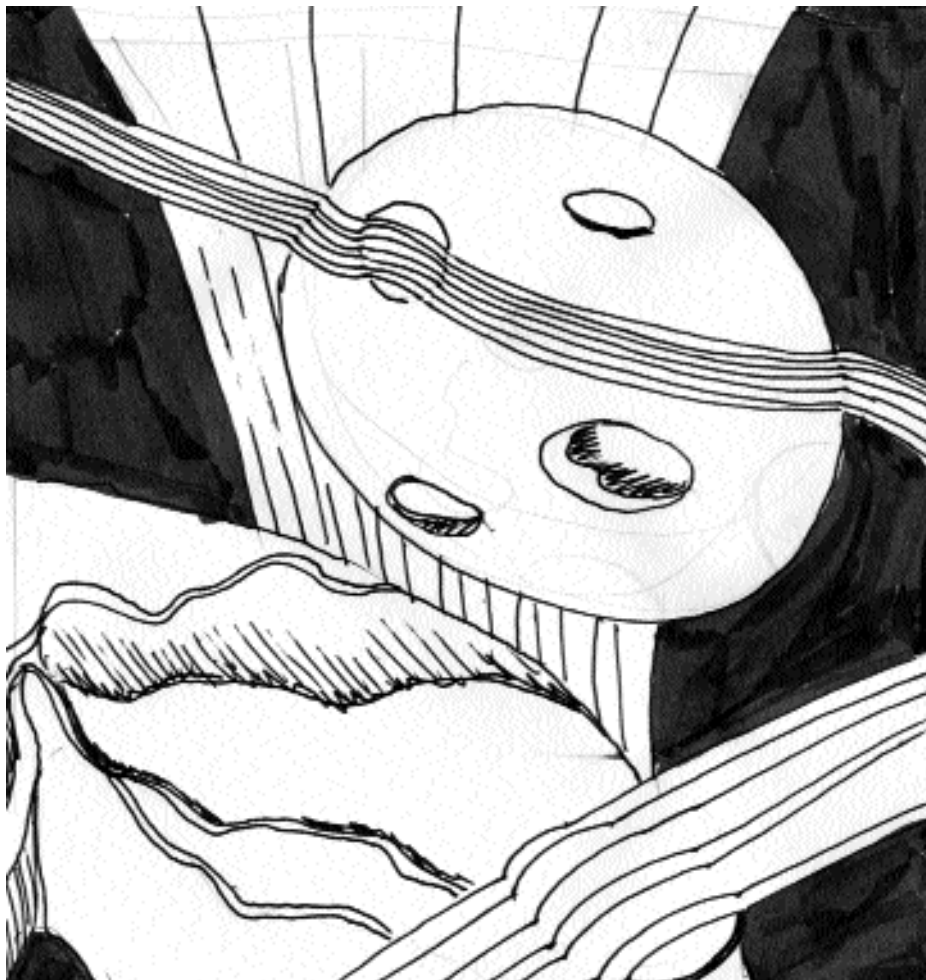
И генерал Хазард стал развивать свою идею космической опасности, нависшей над человечеством. Керри добросовестно записывала его разглагольствования, хотя не верила ни одному его слову. А генерала почему-то смущали глаза этой молоденькой журналистки. Они казались ему то дерзкими, то насмешливыми, хотя в них светились лишь недоверие к его словам и природная пылливость.

«Черт знает, что может написать обо мне такая девица, — с беспокойством думал генерал. — Нужно будет, пожалуй, позвонить самому издателю «Сирены». Уж он-то знает, как все это нужно подать...»

Когда беседа была закончена, Демпси неожиданно спросила:

— А не смогли бы вы помочь мне встретиться с самим профессором Писфулом, мистер Хазард?

— Думаю, что в настоящее время это совершенно исключено, — категорическим тоном заявил генерал. — Профессор занят сейчас усовершенствованием своей телевизионной аппаратуры, и ему не до бесед с журналистами. К тому же вам следовало бы, прежде чем вести со мной этот наив-

ный разговор, самой посмотреть космические телепередачи. Их принимают уже некоторые телевизоры, оборудованные конверторами профессора Писфула. Не сомневаюсь, что они рассеют все ваши сомнения.

На этом интервью было закончено. А несколько часов спустя Керри Демпси сидела уже перед разгневанным мистером Хэйтом. Жилистая шея его казалась еще длиннее, чем обычно, и придавала ему выражение хищной птицы.

— Что это такое, я вас спрашиваю, мисс Демпси? — говорил он, теребя рукопись Керри и нещадно брызгая слюной сквозь редкие зубы. — Кому нужны ваши скептические замечания? Не понимаете вы разве, какой

сенсационный материал гибнет по вашей милости? Не забывайте, что все вы — мои служащие, и мне нет дела до ваших личных мнений и тем более сомнений. Я владелец газеты, и я требую от вас писать о том, во что верю я лично. А если вы со всем этим не согласны — идите тогда к мистеру Каннингу в его жалкий «Прогресс». Он ведь, кажется, приглашал вас к себе. Там вам, может быть, будет дана возможность иметь некоторую свободу собственного мнения. Но, повторяю, только некоторую, в пределах политических задач газеты «Прогресс». Да учтите еще к тому же, что эту свободомыслящую газетенку в скором времени непременно прикроют.

Никогда еще не была Керри в бо-

лее скверном настроении. Как ей понимать слова Хэйта? Считать себя уже уволенной или это только предупреждение? Редактор ее отдела, мистер Пейдж, к которому она обратилась с этим вопросом, ответил не очень уверенно:

— Пожалуй, пока только предупреждение, но, если вас действительно приглашал к себе мистер Каннинг, мой вам совет — идите к нему, не торопя времени. Хотя, бог видит, мне бы не хотелось расставаться с вами, ибо не сомневаюсь, что рано или поздно из вас вышел бы толк.

Редактор «Прогресса» действительно приглашал Керри к себе в газету. Но ведь там придется получать мизерный заработок, а у нее на иждивении большая мать. К тому же Керри нравился ритм жизни и широкий размах такой большой газеты, как «Сирена», оснащенной всеми новинками полиграфической техники. Целая армия работников редакции отбирала и редактировала в ней самую разнообразную информацию, поступающую как в письменной форме, так и по телеграфу, радио и телефону. Одни сотрудники газеты распределяли эту информацию по отделам редакции, другие монтировали различные сообщения в единое целое, третьи придавали им стилистическую форму и придумывали заголовки, а метранпажи торопливо планировали полосы. Все эти люди были непрерывно заняты только тем, что обрабатывали миллионы слов поступающей к ним информации, пока наконец количество их не доходило до средней нормы одного номера такой газеты, как «Сирена».

А как готовился фотоматериал? Десятки фоторепортеров (по двадцать, тридцать и даже по сорок человек!), словно боевые ударные части в разгар ожесточенного сражения, бросались по приказу мистера Хэйта в районы интересующих его событий. А там разрабатывались детальные планы съемок, определялись места осветителей, назначались маршруты кратчайшей доставки отснятой пленки к дежурным автомашинам.

Бурлило все и в фотолаборатории.

Сотнями снимков заваливала она фоторедакторов, которым предстояла нелегкая задача — отобрать двадцать три или двадцать пять фотографий из пятисот!

Увлеченная размахом современной газетной индустрии, ее деловитостью и оперативностью, Керри не сразу разобралась, что за девизом «свободы печати» скрывается всего лишь «свобода предпринимательства».

— Пресса, — сказал ей однажды один прогрессивный журналист, — это не богатство, принесенное его владельцами в жертву великому идеалу. Это — собственность, назначение которой — извлекать прибыль.

Керри не очень поверила тогда этим смелым словам, но с каждым днем все более убеждалась в их справедливости. Циничная откровенность Хэйта окончательно отрезвила ее.

Печальная вернулась она в этот день к своей больной матери и, чтобы не расстраивать ее, решила пока ничего не говорить о своих неприятностях.

4. Керри принимает решение

Ночью Керри почти не спала. В голову лезли мысли одна мрачнее другой. Казалось, что в «Сирене» ей теперь уже не работать и лучше уйти отсюда самой, чем ждать, когда выгонят. Решила даже, что утром непременно позвонит Каннингу и попросит его взять ее к себе в газету. Чарльз Каннинг — старый друг ее покойного отца, и он не откажется помочь ей, тем более, что и сам уже приглашал ее однажды перейти к нему на работу.

Не легко, однако, решилась она на это. Теперь ее, конечно, причислят к «красным» многие знакомые, хотя «Прогресс» был вовсе не коммунистической газетой, а лишь органом прогрессивно настроенной интеллигенции.

Керри и сама толком не знала, какие идеи пропагандирует «Прогресс», но уж только ни в какой мере не подбивает он устоев государства. Славу же «красной» газеты снискала ему

борьба за мир и разоблачение пропаганды «холодной войны». А разве Керри, у которой погиб отец на фронте, хотела новой войны? Разве хотят ее даже те, кто, может быть, завтра назовет Керри «красной» журналисткой? Не верила Керри, чтобы вообще кто-нибудь из ее знакомых желал этой войны. А отмалчивались они и не поднимали против нее голоса лишь по той причине, что боялись привлечь к себе внимание Комиссии по расследованию антипатриотической деятельности.

Однако Керри размышляла так решительно о дальнейшей своей судьбе лишь в часы ночной бессонницы. Утром же, передумав все заново, она тяжело вздохнула, решив не торопиться и не уходить пока из «Сирены». Кто знает, может быть, и обойдется все... Нужно ведь было содержать как-то большую мать, а разве Каннинг мог платить ей столько же, сколько платит Хэйт?

...Первым, кого встретила Керри в редакции, оказался Пейдж.

— Ну как, мисс Демпси, видели вы уже?.. — спросил он с какой-то виноватой улыбкой.

— А что я должна увидеть? — удивленно спросила Керри, и сердце ее тревожно заняло.

— Газету, — буркнул Пейдж и торпливо скрылся за дверями редакторского кабинета.

Керри бросилась к своему столу. На нем лежал, видимо, специально для нее разостланный свежий номер «Сирены». Почувствовав невольную слабость в ногах, девушка почти упала в кресло.

С трудом разбирая строки, она стала читать статью, озаглавленную:

ИНТЕРВЬЮ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА С ГЕНЕРАЛОМ ХАЗАРДОМ.

У Керри мелькнула было обнадеживающая мысль: «Неужели они все-таки дали беседу с Хазардом с моими комментариями?..» Но чтение первых же строк этого интервью тотчас же рассеяло ее заблуждение. Она и не думала задавать Хазарду тех вопросов, которые были напечатаны в газете.

Вот что прочла Керри в «Сирене»:

«Наш корреспондент мисс Демпси посетила вчера генерала Хазарда — крупнейшего специалиста по стратегическим управляемым снарядам. На вопрос мисс Демпси, что думает мистер Хазард о космических телепередачах, генерал ответил:

— Возникающее на телевизионных экранах изображение летящего снаряда — не что иное, конечно, как космический ракетный корабль.

Демпси: — Каковы курс и цель этого корабля?

Хазард: — Курс, видимо, Земля, цель — разведка.

Демпси: — Значит, вы полагаете, что за кораблем-разведчиком последуют и другие, основные, так сказать, силы?

Хазард: — Вне всяких сомнений.

Демпси: — Ну, а каковы могут быть намерения экипажей этих кораблей?

Хазард: — Полагаю, что не мирные, хотя первый разведывательный корабль едва ли вообще имеет экипаж. Это, скорее всего, управляемый ракетный снаряд, передающий на пульта управления все необходимые сведения с помощью радиосигналов и телевизионного изображения.

Демпси: — Вы полагаете, значит, что «визит» к нам космонавтов может носить агрессивный характер?

Хазард: — Во всяком случае, мы должны иметь в виду такую возможность. Опасение это тем более вероятно, что форма космического снаряда очень напоминает ракеты, предназначенные для стрельбы по стратегическим объектам. На эту мысль наводят и некоторые радиосигналы космического снаряда, которые нам удалось расшифровать.

Демпси: — Что вы считаете необходимым предпринять в связи с возможной агрессией из космоса?

Хазард: — В создавшейся обстановке я считаю детской игрой в солдатики всю нашу нынешнюю систему обороны, а опасность со стороны Востока — ничтожной в сравнении с новой страшной угрозой, нависшей над всей нашей планетой. Дай бог, чтобы наши конгрессмены поняли это именно сейчас, накануне обсуждения в Кон-

грессе федерального бюджета на текущий год.

Демпси: — Как скоро космические снаряды могут достигнуть нашей Земли?

Хазард: — Учитывая колоссальность космических пространств, видимо, не раньше чем через год-полтора. За это время можно будет, конечно, основательно подготовиться к их встрече. Нужно только отказаться от черепаших темпов вооружения периода «холодной войны» и начать готовиться к более грозному периоду «космических войн».

Демпси: — И еще один, последний, вопрос: чем вы объясните тот факт, что наши телевизоры принимают передачу с космического снаряда только один раз в сутки?

Хазард: — По той причине, конечно, что для контроля полета этого снаряда в космическом пространстве нет нужды в непрерывном приеме его сигналов.

Демпси: — Благодарю вас, генерал. Вы дали совершенно исчерпывающие ответы на все вопросы, которые так волнуют наших читателей!»

Скомкав газету, Керри решительно шагнула в сторону кабинета Пейджа, но вдруг услышала хрипловатый голос Айзекса — старого спившегося журналиста, которого держали в газете лишь из-за удивительной его покладистости и умения придумывать оригинальные заголовки и подписи под иллюстрациями:

— Не стоит, мисс Керри... Или вы должны смириться и покорно делать все, что вам прикажут, как это делаю я, или...

Не договорив, он безнадежно махнул рукой.

— Нет, я не буду делать того, что, к сожалению, делаете вы, мистер Айзекс! — гневно проговорила Керри. — Я уже решила, что мне делать... Но прежде я хочу сказать им, что я о них думаю.

И Керри взялась уже за ручку двери кабинета Пейджа, но Айзекс снова остановил ее:

— И этого не стоит делать, милая

мисс Керри. Откажите себе в удовольствии хлопнуть дверью. Они вам за это непременно напакосят. А зачем вам это? Найдите способ отплатить им каким-нибудь иным образом.

«Да, пожалуй, в самом деле не стоит с ними связываться», — благоразумно решила Керри. Теперь ей ничего уже больше не оставалось, как уйти к Каннингу.

5. «Мы еще поборемся, черт побери!..»

Чарльз Каннинг принял Керри очень сердечно.

— Можете мне ничего не рассказывать, — взмахнул он рукой, как только Керри попыталась объяснить ему что-то. — Я и так все понимаю. А если вы хотите насолить вашим бывшим хозяевам, охотно предоставлю такую возможность. Поскольку вы, судя по сегодняшнему номеру «Сирены», познакомились уже с генералом Хазардом...

— Но, мистер Каннинг!.. — взволнованно прервала редактора Керри. — Вы ведь не знаете...

— Я все знаю, дорогая Керри. Они напечатали, мягко выражаясь, не совсем то, что вы написали? Ну, вот видите! Мне их приемы хорошо известны. Ну-с, так вот, как вы смотрите на то, чтобы заняться серьезным разоблачением мистификации генерала Хазарда? Вы ведь не сомневаетесь, что это явный трюк?

— Не сомневаюсь, — твердо ответила Керри. — Но зачем им это? Какую цель они преследуют?

— Ну, это-то сообразить нетрудно. Дело ведь происходит накануне утверждения нового военного бюджета в Конгрессе. А намечается он в этом году в размере шестидесяти пяти процентов от общей суммы ассигнований.

Керри удивленно пожала плечами: — А разве конгрессмены не проголосуют вообще за любой процент ассигнований на военные расходы?

— Представьте себе, не так-то теперь все это просто. Конгрессменам тоже приходится считаться с мнением

своих избирателей. Мало того, даже крупнейшие наши предприниматели начинают заигрывать с рабочими. Находясь в такой газете, как «Сирена», вы ни о чем таком и не подозревали, и, видимо, плохо себе представляете, как меняется тактика даже самых реакционных наших политиков в условиях нарастающего кризиса и безработицы.

— Ну да, конечно, я невежественная, серая журналистка из реакционной газеты, — обиженно проговорила Керри. — Но зато мне хорошо известно утверждение правительства, будто единственный выход из кризиса и спасение от безработицы в гонке вооружений и балансировании на грани войны. Но разве для этого им недостаточно запугивания всех нас угрозой со стороны Востока?

— Теперь уже недостаточно. Уже невозможно уверить даже наш добродушный народ в том, что русские, обнародовав грандиозные цифры своего семилетнего плана, собираются вести с нами войну.

— А «марсиане», вы полагаете, поверят разве конгрессмены этой выдумке?

— Конгрессмены-то едва ли поверят, а вот некоторые избиратели, воспитанные на газетных сенсациях и сбитые с толку пропагандой неизбежности новой войны, пожалуй, поверят. Наша с вами в связи с этим задача — открыть этим избирателям глаза на кое-какие закулисные махинации и космические трюки. Ну так как же, не возражаете вы против моего предложения?

— Не возражаю, — охотно согласилась Керри. — Но как за это взяться? Боюсь, что мистификацию эту нелегко будет разоблачить. Вы ведь знаете, наверное, что «космические» телепередачи принимают теперь не только профессор Писфул и генерал Хазард?

— Знаю я и это, дорогая Керри, — задумчиво проговорил Каннинг, озабоченно потирая гладко выбритую голову. — Разгадать трюк генерала Хазарда будет, конечно, нелегко. Досадно также, что втянул он в эту авантюру профессора Писфула. Профессор,

насколько мне известно, человек неплохой, прогрессивно мыслящий. Видимо, генерал Хазард опутал его чем-то, а может быть, и запугал, используя затем в своих авантюристических целях. Писфул ведь крупнейший специалист по телевидению и электронике.

Чарльз Каннинг хотя и не был лично знаком с профессором, но слышал о нем много хорошего. Писфул, пожалуй, мог бы помочь им кое в чем... Походив в задумчивости по кабинету, Каннинг спросил вдруг, весело блеснув глазами:

— А что, Керри, если нам попробовать взять интервью у самого Писфула?

Керри безнадежно махнула рукой.

— Едва ли это удастся, мистер Каннинг. Генерал Хазард заявил уже мне, что ни о какой встрече с Писфулом не может быть и речи. Они, конечно, спрячут теперь старика куда-нибудь подальше, опасаясь, видимо, что он может проговориться.

— Да, — снова вздохнул Каннинг. — Все, значит, свидетельствует о том, что спектакль поставлен опытным режиссером. Что же нам остается — сложить оружие?

— Ни в коем случае! — воинственно тряхнула головой Керри. — Я бы лично считала делом чести разоблачение подобной авантюры на страницах такой газеты, как ваша.

— А вот это мне уже нравится! — весело воскликнул Каннинг, хлопнув ладонью по столу. — Мы еще поборемся, черт побери! И не только с генералом Хазардом, а, быть может, и с самим Государственным Секретарем!

Глаза его воинственно блеснули, и он заявил решительно:

— Поезжайте-ка к инженеру Темплу, Керри. Он понимает кое-что в телевидении. Передайте ему привет от меня и спросите его мнение о космических передачах. Мы с ним были когда-то друзьями. Теперь он, правда, состарился и уединился в своем загородном коттедже, а ведь когда-то был известным изобретателем. Многие наши первые телевизоры — его конструкции. Берите редакционную маши-

ну и поезжайте к нему завтра прямо с утра. Вот вам его адрес.

6. Генри Темпл не может разгадать загадку

Генри Темпл, высокий худой человек с седой копной беспорядочно торчащих во все стороны волос, встретил Керри без особого радушия. В ответ на ее приветствие он лишь буркнул что-то нечленораздельное. Даже переданный привет от Чарльза Каннинга не смягчил его.

— Чем могу служить? — сухо спросил он, не предложив девушке стула.

Керри, однако, сделала вид, что не замечает нелюбезности старого изобретателя, и сама уселась в плетеное кресло, давая этим понять Темплу, что не уйдет от него, не добившись своего. На ее вопрос, как он относится к космической передаче, изобретатель лишь усмехнулся.

— Аттракцион, — коротко заметил он, не собираясь, видимо, вдаваться в подробности.

— А как же все-таки они ухитрились его поставить? — спросила Керри с таким неподдельным любопытством, что Темпл смягчился невольно и снисходительно пояснил:

— Писфул — человек с головой. Он, наверное, придумал что-нибудь такое.

— Но что? Не с помощью же коаксиального кабеля добился он подобной дальности передачи. Ведь его «космическое» телевидение принимают уже чуть ли не на всем нашем континенте.

— Нет, кабель исключается, — решительно возразил Темпл. Это слишком дорого. Да и не могло бы остаться незамеченным.

— Тогда, может быть, радиорелейные линии? — снова спросила Керри, специально подготовившаяся к разговору с Темплом. Ей пришлось для этого почитать кое-какую техническую литературу.

— В этом случае им потребовалось бы установить целую цепочку добавочных радиостанций. И не только у нас, но и в соседних странах, — по-

молчав немного, пояснил Темпл. — Нужно ведь перекрыть ими весь наш материк. Тогда только станет возможным прием «космических» передач Писфула в любой точке западного полушария. А это тоже не дешево. Да и в секрете не удержишь. Нет, это не то.

Керри хотела задать Темплу очередную вопрос, но старый изобретатель и сам теперь увлекся разговором. Он, видимо, не раз уже размышлял об этих таинственных телепередачах, пытаясь разгадать их секрет. А тот неподдельный интерес, с которым слушала его Керри, не мог, конечно, не расшевелить его.

— Для увеличения дальности телепередачи можно, конечно, использовать и самолет, — продолжал Темпл, торопливо набрасывая какую-то схему на листке бумаги. — Какой, однако, потолок у современной авиации? Лучшие самолеты с поршневыми двигателями достигают лишь одиннадцати — двенадцати тысяч метров. Самолеты с реактивными двигателями могут совершать полеты на высоте до двадцати километров. Даже в специальном высотном скафандре достигнут пока потолок лишь в двадцать пять с половиной километров. Разве с такой высоты перекроешь телевизионной передачей расстояние в 15 000 километров? Вот полюбуйтеcь-ка сами, каково это пространство.

Темпл набросал чертеж, изображающий очертания Западного полушария с пунктирными линиями распространения ультракоротких радиоволн. Сделал он это очень быстро и точно. Чувствовалось, что он не раз уже вычерчивал все это в процессе своих рассуждений и расчетов.

— Больше, значит, ничем нельзя увеличить дальность передачи? — разочарованно спросила Керри. — А вот говорят, будто с помощью искусственных спутников?..

— Э! — пренебрежительно махнул рукой старый изобретатель. — Знаю я и этот проект ретрансляции телепередач, с помощью трех спутников. Но такая телепередача принималась бы в любой точке земного шара, а не только на нашем континенте.

— А одним спутником никак не обойтись?

— Можно обойтись и одним. Только его нужно тогда запустить на высоту тридцати шести тысяч километров, чтобы он совершал один оборот за то же время, что и Земля, и находился бы все время над одной и той же точкой земной поверхности. Нужно также, чтобы орбита его была максимально приближена к круговой.

Темпл, привыкший пояснять свои мысли чертежами и эскизами, начал было торопливо набрасывать какую-то схему, но тотчас же сердито бросил карандаш на стол.

— В общем, это сложно, конечно...

Взъерошив тонкими, худыми пальцами свою могучую седую шевелюру, он добавил уже другим, более спокойным, почти мечтательным голосом:

— Впрочем, есть и еще способ телепередачи на большое расстояние. С помощью нашей естественной спутницы — Луны. Вы, наверное, знаете, что еще в 1946 году на Луну был послан мощный импульс радиолокационной станции? Отразившись от ее поверхности, спустя две с половиной секунды он вернулся на Землю. После этого эксперимента ученые и инженеры стали допускать возможность дальних телевизионных передач с помощью Луны.

— А вы разве считаете это невозможным? — спросила Керри, торопливо записывая что-то в свой блокнот.

— До недавнего времени считалось, что, пока не будет установлен на поверхности Луны специальный рефлектор, осуществить подобные передачи не удастся, — пояснил старый изобретатель. — Ученые опасались, что неровная поверхность нашей спутницы будет не только поглощать значительную часть посланных на нее волн, но и беспорядочно рассеивать их. Но в настоящее время рядом опытов доказано, что поверхность Луны вполне подходящая, чтобы без особых искажений отражать дециметровые радиоволны.

— Почему же тогда не допустить,

что Писфулу удалось использовать для увеличения дальности своих телепередач именно Луну? — возбужденно воскликнула Керри.

Темпл снисходительно улыбнулся наивности журналистки:

— Это совершенно исключено, милая мисс. Дело, видите ли, в том, что Хазард с помощью Писфула ведет свои «космические» телепередачи в такое время суток, когда Луна освещает противоположную сторону земного шара.

— Совершенно неразрешимая, значит, загадка? — с невольным вздохом спросила Керри, уж очень хотелось ей разоблачить «космические» телепередачи на страницах газеты «Прогресс», с которой она намеревалась теперь самым серьезным образом связать свою жизнь.

— В том, что тут явный трюк, я по-прежнему не сомневаюсь, — несколько смущенно ответил Темпл, — разгадать его, однако, пока не могу.

— Но ведь бывают же все-таки случаи, когда удается принять очень дальние телепередачи? — все еще не хотела сдаваться Керри. — Я сама не раз читала об этом и даже видела фотографии телевизионных кадров, принятых на расстоянии многих сотен километров.

— Да, это бывает, — согласился Темпл. — Но это случайность. Результат благоприятного состояния верхних слоев атмосферы. Это не гарантирует постоянного устойчивого приема. А «космические» телепередачи Писфула, как мне достоверно известно, отличаются высоким техническим качеством. И это для меня остается загадкой. Вот пока все, мисс Демпси, что я могу вам сообщить.

Поблагодарив старого изобретателя и извинившись за причиненное беспокойство, Керри стала прощаться:

— До свидания, мистер Темпл. Надеюсь, вы не забудете о нас, если разгадаете эту загадку?

— А стоит ли ломать голову над такими фокусами? — с деланным равнодушием проговорил Темпл. — Впрочем, если придет в голову верная до-

гадка — позвоню вам лично. А Каннингу передайте, что я на него в обиде. Что же он сам-то ко мне никак не заглянет? Нехорошо это с его стороны...

— Приеду — отчитаю его за это, — улыбаясь, пообещала Керри.

7. Новый вид психоза

Сегодняшние утренние газеты Грэнд-сити очень обеспокоили работников военного министерства. Помощник министра генерал Рэншэл вызвал по этому поводу одного из своих офицеров, ведавшего вопросами внутренней информации.

— Очень прошу вас, — обратился он к майору Райту, — разберитесь лично, о каких это рыбаках, заболевших лучевой болезнью, сообщают сегодня «Прогресс» и другие столичные газеты. Не только наше министерство, но и весь город говорит уже об этом. А представляете, что творится в провинции, если только «Бродкастинг компани» успела пустить эту новость в эфир?

— Можете в этом не сомневаться, — с иронической улыбкой заметил майор Райт. — «Бродкастинг компани» успевает всколыхнуть эфир не только в момент совершения каких-либо событий, но и задолго до этих событий.

Майор Райт знал своего шефа как человека умного, с чувством юмора, сегодня, однако, на худощавом продолговатом лице генерала Рэншэла не было и тени улыбки. Он считал положение настолько серьезным, что ему было не до шуток. Райт тотчас же понял это и заявил уже совершенно серьезно:

— Все будет сделано, сэр.

Он действительно сразу же выехал в предместье Грэнд-сити, где, по наведенным им справкам, находилась одна из больниц благотворительной организации Красного Креста. Больница эта располагалась почти на самом побережье Атлантического океана. Лечились в ней главным образом рыбаки, матросы, докеры и портовые рабочие. С первого же взгляда на

мрачное, давно не ремонтировавшееся здание больницы майор Райт заключил, что дела ее обстоят не блестяще, и не рассчитывал в связи с этим найти здесь опытный медицинский персонал.

Главный врач больницы действительно оказался совсем еще молодым человеком с подвижным, нервным лицом и взволнованной речью. Всего лишь год назад окончил он медицинский колледж. Узнав по какому делу пожаловал к нему майор, он заметно побледнел и начал даже слегка заикаться.

— Прошу вас, майор, пройти со мной в палату. Вы должны собственными глазами посмотреть на этих несчастных, — торопливо проговорил он, распахивая дверь во внутреннее помещение больницы.

Майор, однако, обстоятельно устроился в кресле и, видимо, не собирался никуда уходить из кабинета главного врача.

— Не вижу необходимости смотреть на ваших больных, док, — спокойно проговорил он, закуривая сигарету. — Я ведь не врач, и этот осмотр все равно ничего мне не даст. Мне важен лишь сам факт их заболевания лучевой болезнью.

Смущенный непонятным ему спокойствием Райта, главный врач торопливо выдвинул один из ящиков своего письменного стола и извлек из него папку ядовито-синего цвета.

— Вот, — какой-то нервной скороговоркой проговорил он, протягивая папку майору, — познакомьтесь тогда хотя бы с историей их болезни.

— Как, — удивленно поднял брови майор Райт, — их болезнь уже имеет историю?

— Ну, если хотите, так это начало ее истории, — все тем же напряженным голосом отозвался молодой врач.

Райт полистал заключение медицинской экспертизы, но, так как многие записи были сделаны на латыни, мало что понял и спросил:

— Откуда к вам попали эти больные? По документам я вижу, что их у вас двое.

— Да, двое. Это рыбаки из поселка

Гоулд-Коуст. Вчера утром они вернулись с ночного лова и вскоре почувствовали головную боль, отсутствие аппетита и резь в глазах. Позднее появилась тошнота, рвота и расстройство желудка. Одного из заболевших привела к нам его жена, второй кое-как дотащился сам.

В графе «диагноз» Райт прочел: «радиационное поражение».

— Значит, это лучевая болезнь, доктор?

— Да, радиационное поражение, или лучевая болезнь. То есть патологические изменения, возникшие под влиянием воздействия на организм значительных доз радиоактивных излучений.

— Ну, а конкретнее? — с чувством досады перебил его Райт. — Из чего же вы заключили, что ваши пациенты больны лучевой болезнью?

— Убедили нас в этом характерные симптомы лучевого поражения, — уже несколько обиженно пояснил врач. Ему казалось, что майор сомневается в его компетенции. — Доставленные к нам больные находятся в настоящее время в фазе первичной радиации. Она выражается в общем ослаблении организма и, главным образом, в желудочно-кишечных расстройствах. Температура значительно выше нормы. Анализ крови показывает падение числа лейкоцитов. Эритроциты тоже ниже нормы.

— И сколько же продлится это состояние? — полюбопытствовал представитель военного министерства.

— Один-два дня, после чего наступит фаза мнимого благополучия продолжительностью до двух-трех недель. И лишь только после третьей, токсической, фазы наступит «разрешение» болезни.

— То есть выздоровление или смерть?

— Совершенно верно, мистер Райт.

— Ну, а чем же вы все-таки объясняете это необычное заболевание? — помолчав немного, снова спросил майор. — Ведь не только атомной войны не происходит поблизости, но и атомных бомб, как мне достоверно

известно, никто не испытывает в этом районе.

— А космические телепередачи? — не задумываясь ответил врач, и голос его снова дрогнул.

— Так вы, значит, сторонник версии, выдвинутой сегодняшними газетами? — удивился майор, заметив на столе главного врача измятый номер какой-то газеты.

— А чем иным можно объяснить это? — пожал плечами врач, водворяя синюю папку в ящик письменного стола. — Во вчерашней телепередаче, например, совершенно отчетливо были видны залпы космического корабля из каких-то диковинных орудий. В газетах пишут сегодня, что этими залпами он расчищал себе путь среди встречной лавины метеоров. Стрелял же он, конечно, атомным или термоядерным оружием. Разве в результате этих залпов потоки радиоактивных частиц не могли достигнуть нашей Земли?

— Ну, едва ли, — возразил майор Райт. — Наша Земля и без того пронизывается потоками космических лучей большей проникающей способности, чем гамма-лучи и нейтроны, возникающие в результате атомных взрывов. Пандирь атмосферы, однако, прекрасно защищает нас от их губительного действия. Сейчас, к сожалению, распространено слишком много самых нелепых и невежественных слухов о чрезмерной радиоактивности излучений, но вы-то ведь образованный человек, доктор?

— Да, я достаточно образован, чтобы прямо смотреть опасности в глаза, — почти раздраженно произнес врач, и мускулы его лица стали нервно подергиваться. — Вы думаете, я не знаю, что нам пришлось отказаться от некоторых боевых радиоактивных веществ по той простой причине, что зараженная ими местность остается радиоактивной в течение многих лет? А кто же не знает, что один из наших военных кораблей, принимавших участие в испытании водородной бомбы в районе острова Святого Патрика, был отбуксирован в океан и там затоплен? Выходит, морское министерство считает,

что даже спустя пять лет некоторые суда, принимавшие участие в испытании термоядерных бомб, слишком опасны в обращении?

Хотя майор Райт был еще молодым человеком, он, однако, обладал достаточной проницательностью и неплохо разбирался в людях. Главный врач больницы Красного Креста казался ему типичным неврастеником, запуганным ужасами атомной войны. Дальнейший спор с ним был совершенно бесполезен. По его возбужденному виду, по нервной торопливости речи нетрудно было сообразить, что он жертва если не радиационного поражения, то атомного психоза.

Майор не пытался более ни в чем его разуверить. Он лишь тяжело вздохнул и, вспомнив чье-то скептическое выражение, сказал на прощание:

— Рассеять слухи и разоблачить дутые сенсации — дело нелегкое. Людей всегда больше привлекают броские газетные заголовки, чем спокойные опровержения.

Дорогой, однако, он и сам долго не мог успокоиться и все время раздумывал над этим несчастным случаем с рыбаками из Гоулд-Коуста. Кто знает, может быть, и правы те ученые, которые утверждают, что радиоактивная пыль, возникшая в результате испытаний термоядерного оружия, все время носится в зоне стратосферных ветров вокруг нашей планеты? Ведь то, что дальние радиоактивные осадки выпадают на расстоянии до десяти тысяч километров, это же факт. Он засвидетельствован специальным отчетом правительственной комиссии по атомной энергии. Скорость же движения стратосферных ветров достигает трехсот двадцати километров в час. Что стоит им при такой скорости занести радиоактивную пыль в район Грэнд-сити?

От столь невеселых мыслей у майора Райта окончательно испортилось настроение. Пожалуй, он не решился бы теперь обвинить молодого врача больницы Красного Креста в чрезмерной нервозности. Когда подумаешь серьезно об этом происшествии с

рыбаками, и сам невольно начинаешь нервничать...

8. Еще один случай лучевой болезни

В скверном настроении явился майор Райт к своему шефу.

— Ну, что вам удалось разведать? — озабоченно спросил его помощник военного министра.

— Похоже, что повторяется история с «летающими дисками», — мрачно ответил майор Райт. — Боюсь даже, что эти «космические» телевизионные передачи вызовут еще больший психоз, чем «летающие тарелки». А ведь в то время чуть ли не весь наш континент был охвачен массовой галлюцинацией. Даже весьма почтенные телеграфные агентства писали тогда, что «летающие диски» не что иное, как новейшей конструкции ракетные самолеты русских, направленные к нам для разведки и устрашения.

— Ну, это дело давнее, — недовольно поморщился генерал Рэншэл.

— Не такое уж давнее, сэр, — возразил майор Райт. — Во всяком случае, общего тут довольно много, и газеты ведут себя почти так же. Всяческих «теорий» и «пророчеств» и сейчас хоть отбавляй.

— Ну, а вы-то сами чем объясняете эти космические телевизионные передачи, дорогой Райт? — настороженно спросил генерал Рэншэл, пристально вглядываясь в беспокойные глаза майора. — С «летающими дисками», или «тарелками», действительно была галлюцинация и мистификация, даже, если хотите, элементарное шарлатанство. Но ведь тут другое. Вы же сами видели эти телепередачи. И ученые подтверждают, что они действительно ведутся не с наземных станций, а откуда-то из-за пределов атмосферы. Не могли же вы не задумываться над этим?

— Мне нелегко на это ответить, сэр, также, видимо, как и людям, которые умнее меня, — задумчиво проговорил Райт, хотя он почти не сомневался, что с «космическими» телепередачами дело явно нечисто. — Пока я

ничего не могу утверждать, зато во многом склонен сомневаться, ибо поводов к этому немало.

— Например?

— Откуда летит этот космический снаряд? С Марса? Но ведь в существовании разумной жизни на нем сомневаются многие ученые. Венеру тоже давайте оставим в покое. Ближайшая же к нам звезда Альфа Центавра с ее еще только предполагаемой планетной системой находится от нас на расстоянии более чем четырех световых лет. Сколько же потребуются времени, чтобы долететь оттуда до нашей Земли, если даже свет с Альфы Центавра идет до нас четыре с лишним года? А ведь он движется со скоростью трехсот тысяч километров в секунду! За каким чертом им такое путешествие?

— Э, да вы, я вижу, невнимательно читаете газеты, — рассмеялся помощник министра, перебирая какие-то бумаги, лежавшие у него на столе. — Этот вопрос обсуждался уже на страницах газеты «Сирена», и кто-то из астрономов давал там по этому поводу свои объяснения. По его словам, космонавты могли покинуть свою планету в результате предвидения ее гибели или, может быть, даже из-за перенаселения.

— Нечто вроде космического варианта нашей земной геополитики, значит? — удивленно спросил Райт, вспоминая пресловутую теорию «жизненного пространства» немецких фашистов и притязания отечественных сторонников геополитики на мировое господство.

— Да, что-то в этом роде. И вот будто бы летят теперь космонавты по Вселенной в поисках подходящей для них территории.

Хотя генерал Рэншэл и говорил все это серьезным тоном, Райт уловил, однако, какие-то иронические нотки в его голосе и понял, что помощник министра не очень-то, видимо, верит этой фантастической версии.

— Я не люблю астрономов за то, что они не только занимаются изучением туманностей, но и говорят весьма туманно, после небольшой паузы

заметил майор Райт. — Ну да ладно, допустим даже, что все это действительно так. Почему же, однако, обязательно предполагать, что космонавты непременно займут нашу Землю силой?

— А кто же из нас потеснится для них по доброй воле? — улыбнулся генерал Рэншэл. — Они же не станут, наверное, селиться ни в Арктике, ни в Антарктике, а захотят местечко потеплее. Что вы на это скажете, дорогой майор Райт?

— Космические гости пожалуют к нам, однако, не сегодня и не завтра, — аметил на это майор. — К тому времени обстановка будет яснее, а пока не мешало бы нам принять меры против начинающегося «космического» психоза.

— Что вы предлагаете сделать для этого?

— Да хотя бы уточнить, действительно ли рыбаки, попавшие в больницу Красного Креста, поражены лучевой болезнью. Кто знает, может быть, гражданские врачи поставили им неправильный диагноз? Главный врач этой больницы произвел на меня впечатление совсем еще «зеленого» эскулапа.

— Хорошо, я позвоню в федеральное управление здравоохранения, и пусть они сами разбираются в этом, — согласился генерал Рэншэл, вставая из-за стола. Разговор о космонавтах стал ему надоедать.

— А что будем делать мы? Я имею в виду наше министерство, — озабоченно спросил майор Райт.

— Готовиться к бою.

— С кем? — удивленно поднял брови майор Райт. Ему показалось, что генерал шутит.

— Пока с конгрессменами за увеличение ассигнований на военные нужды. А уж потом, может быть, и с «марсианами», — добавил генерал Рэншэл с иронической улыбкой.

— С конгрессменами?

— Да, с конгрессменами, — совершенно серьезно повторил Рэншэл. — Прошли уже те времена, когда они безропотно голосовали за любой военный бюджет. Да и бюджет-то теперь

уже не тот. Это вам не сорок пять и даже не пятьдесят процентов, а уже шестьдесят пять!

— Да, но ведь обычно... — начал было Райт, но генерал Рэншэл недовольно прервал его:

— Никаких «но», Райт! Уясните себе раз и навсегда — времена уже не те. Известно ли вам, что внесенный в Конгресс законопроект о реорганизации верховного командования в соответствии с рекомендациями «доктрины» одного из крупнейших наших промышленных магнатов встретил там упорную оппозицию? Событие почти небывалое в нашем Конгрессе. И это тем более печально, что отражает оно широко распространенное опасение — как бы мы, военные, не усилили своего влияния в стране.

Рэншэл усталой походкой прошелся по кабинету, постоял у окна и, не поворачиваясь к Райту, добавил:

— Даже лидеры Конгресса ничего уже не могут поделать с настроением конгрессменов. Вопреки их позиции, ряд влиятельных сенаторов все чаще выступает теперь с весьма резкой критикой государственного департамента. Вот ведь какие дела, дорогой Райт, а вы удивляетесь, почему приходится воевать с конгрессменами.

— Но бюджет-то они все равно утвердят, — уверенно заявил майор Райт. И ему очень хотелось добавить при этом: «Однако теперь уже не без помощи «марсиан» генерала Хазарда, пожалуй...»

— Будем надеяться, — неопределенно проговорил генерал Рэншэл, отпуская майора Райта.

Оставшись один, генерал закончил просмотр документов, предназначавшихся на подпись министру, и лишь после этого вспомнил, что собирался позвонить в Федеральное управление здравоохранения. Необходимо было выяснить абсолютно точно, чем заболели рыбаки, находящиеся на излечении в больнице Красного Креста.

Однако прежде чем Рэншэл дозволил к начальнику Федерального управления, адъютант принес ему новое сообщение о лучевой болезни. Забо-

лел ею военный летчик, летавший на реактивном самолете на большой высоте. На этот раз диагноз радиационного поражения был поставлен опытным врачом военного госпиталя.

«Дорого же, черт побери, может обойтись нам космическая мистификация Хазарда!..» — раздраженно подумал генерал Рэншэл, собираясь на доклад к военному министру.

9. В поисках разгадки

Редактору газеты «Прогресс» «космические» телепередачи положительно не давали покоя. Для него давно уже было ясно, что дело тут не только или, вернее, не столько в техническом трюке, осуществленном с помощью профессора Писфула, сколько в политической афере. Очень важно было в связи с этим возможно скорее разгадать технику этого трюка, чтобы с большей убедительностью разоблачить затем политическую аферу. В поисках разгадки тайны «космических» телепередач Чарльз Каннинг побеседовал уже со многими специалистами по телевидению и радиотехнике, но то, что удалось узнать, загадки пока не разрешало.

У Каннинга было, однако, слишком мало времени, чтобы самому целиком отдаться решению «космической» загадки. Занималась этим пока только новая его сотрудница Керри Демпси. Она, конечно, очень серьезная девушка и талантливая журналистка, но справится ли одна с таким делом? Нужно, пожалуй, выделить еще кого-нибудь ей в помощь.

Трюк с «космическими» телепередачами взволновал и других прогрессивных предстателей интеллигенции Грэнд-сити, принимавших участие в издании газеты «Прогресс», и они рекомендовали Каннингу отнестись к этой сенсации с должным вниманием.

— Видимо, генерал Хазард, — заметил Каннингу известный писатель Эдвин Мэйдт, — не без санкции свыше задумал все это с нехитрой целью — подлить масла в начинающий меркнуть огонь «холодной войны».

Как только Керри пришла в редакцию, Каннинг тотчас же пригласил ее к себе.

— Ну, что у вас новенького?

— Ничего, мистер Каннинг, — упавшим голосом отозвалась Керри. — Прямо руки опускаются, до того все замысловато...

— Ну-ну, — добродушно похлопал ее по плечу редактор, — не нужно только падать духом. Мы и не такое еще распутывали.

— А я вот прямо-таки не знаю, с какой стороны подступиться...

— Задача не из легких, конечно, — согласился Каннинг. — Даже очень крупные специалисты в области телевидения и электроники не понимают пока, в чем тут дело. Вот вчера только беседовал я с профессором Дональдом. Уж это, как вы, очевидно, сами знаете, не только крупный, но и действительно знаменитый ученый. А что он ответил мне? Только плечами пожал.

— А известны ли ему вообще хоть какие-нибудь случаи сверхдальнего распространения ультракоротких волн? — спросила Керри.

— Отдельные случаи известны, конечно, — ответил Каннинг, включая электрический вентилятор, стоявший у него на столе. — В 1935 году была, оказывается, хорошая радиосвязь между Америкой и Европой на волне семь с половиной метров. В 1937-м Москва принимала японские передачи на волне девять метров.

— Но ведь это всего лишь радиопередачи, — разочарованно проговорила Керри.

— Не только. В феврале 1938-го некоторые государства нашего континента принимали передачи лондонского телевизионного центра на волне около семи метров. Многие русские телепередачи смотрели в 1952 и 1953 годах в Германии, Бельгии и Голландии, а пражские принимались в 1954-м в ряде областей России.

— Чем же объясняет профессор Дональд эти отдельные случаи дальних передач?

— Солнечной активностью. Влиянием солнечных пятен и вспышек. По

этому вопросу, думается мне, лучше всего проконсультироваться вам у кого-нибудь из астрономов. Они ведь теперь имеют дело не только с оптическими телескопами, но и радиотелескопами. Кстати, у меня есть знакомый астроном — Джон Мунн. Он хотя и молодой, но, по отзыву директора Центральной обсерватории, очень талантливый человек. К тому же, кажется, именно он работает с радиотелескопами.

— У вас, я вижу, очень широкий круг знакомых, — не без уважения заметила Керри.

— Плохой бы я был редактор, если бы не имел знакомых в самых различных кругах общества, — самодовольно усмехнулся Каннинг, поглаживая свою гладко выбритую голову. — Ну так как же, Керри, сдаетесь вы или мы еще поборемся?

— Что значит — сдаюсь! — удивилась Керри. — Я ни за что не сдамся!

— Ну вот и отлично! Поезжайте тогда в обсерваторию, а я подумаю, кого бы еще подключить к этому делу.

Спустя час Керри Демпси была уже за городом, в Центральной обсерватории Грэнд-сити. Не без труда разыскала она в ее просторных павильонах астронома Джона Мунна.

Если бы Керри встретила Мунна где-нибудь на улице, она, пожалуй, приняла бы его за киноактера. Он был красив той стандартной кинематографической красотой, которая так примелькалась с экранов кинотеатров и телевизоров. Однако когда Мунн улыбнулся, Керри переменяла свое мнение о нем. Добрая, широкая улыбка совершенно стирала с лица Мунна весь его внешний кинематографический стандарт. Так улыбаться, как Джон Мунн, мог только очень душевный человек, а не безмозглый кино-красавчик, за которого она приняла его с первого взгляда. Керри терпеть не могла красивых мужчин, считая их людьми недалекими, легкомысленными, неверными в дружбе и любви.

— О, я очень рад, что ваша газета заинтересовалась этими таинственными телепередачами, — оживленно

заговорил Джон Мунн, как только Керри объяснила ему цель своего визита. — У нас тоже много говорят о них последнее время. Только ведь я вряд ли смогу объяснить вам, в чем тут дело... И потом, мистер Каннинг, видимо, напугал, полагая, что я работаю с радиотелескопами. Я всего лишь засекаю с помощью радиолокаторов метеоры, пролетающие через верхние слои атмосферы.

— К радиотехнике вы, значит, какое-то отношение все-таки имеете? — не то спрашивала, не то утверждала Керри, которой теперь очень хотелось именно у Джона Мунна получить все необходимые сведения.

— Самое, конечно, приблизительное, — смущенно улыбнулся Джон. Ему тоже очень хотелось хоть чем-нибудь помочь этой понравившейся ему девушке.

— А вот мы сейчас это проверим, — весело рассмеялась Керри, снимая жакет и вешая его на спинку стула, предложенного Мунном. — Сможете ли вы объяснить мне, почему на ультракоротких волнах нельзя осуществить дальние передачи?

— Ну, на такие-то элементарные вопросы я вам, конечно, отвечу, — засмеялся и Джон. — Радиоволны средних и коротких диапазонов позволяют осуществлять дальние передачи, потому что они, последовательно отразившись от ионосферы и от земной поверхности, распространяются на большие расстояния. Ультракороткие же волны не преломляются ионосферой, а уходят за пределы земной атмосферы в межпланетное пространство. Поэтому-то они позволяют осуществлять надежную связь лишь на расстояниях, не превышающих пределов прямой видимости. Понятно ли я объясняю, мисс Демпси?

— О, вполне, мистер Мунн! — воскликнула Керри. — Гораздо понятнее учителя физики, который обучал меня этим премудростям в средней школе. А в литературном колледже я уже считала себя выше всяких точных наук, потому и забыты так основательно все эти, кажется, довольно элементарные вещи.

Керри вздохнула с непритворным сожалением и, продолжая прерванный разговор, спросила:

— Но ведь бывают же случаи, когда и ультракороткие волны отражаются ионосферой?

— Да, бывают, — подтвердил молодой астроном. — Для этого нужно только, чтобы отражающий слой ионосферы имел значительную концентрацию, то есть достаточное количество свободных электронов в одном кубическом сантиметре объема. Возникает же такая концентрация только в годы максимума солнечной деятельности.

— А в каком состоянии Солнце сейчас?

— Сейчас на нем почти нормальное количество пятен, не наблюдается и вспышек. О таком Солнце у нас принято говорить как о почти «спокойном».

— Значит, состояние ионосферы не позволяет в настоящее время осуществить какую-либо телепередачу на весь наш континент? — спросила Керри, торопливо записывая что-то стенографическими знаками в свой блокнот.

— Да, это исключается, — убежденно заявил Джон Мунн. — Не думаю также, чтобы способствовала этому и рефракция — преломление ультракоротких волн вследствие неоднородности атмосферы.

— Ну а как же осуществляется все-таки прием космических телепередач профессора Писфула на всем нашем континенте?

— Загадка! — развел руками Джон Мунн.

— А может быть, и в самом деле летят к нам какие-нибудь «марсиане»? — хитро прищурилась Керри.

— Теоретически это, конечно, вполне допустимо, — серьезно ответил астроном. — Реактивный снаряд, специально нацеленный на нашу Землю, вполне мог бы прилететь к нам, покрыв любое расстояние.

— Похоже, однако, вас что-то смущает?

— Явно выраженный, я бы даже сказал, подчеркнуто агрессивный ха-

раक्टर того снаряда, который показывают нам по телевидению.

— А вы разве не допускаете возможности космической агрессии? — полюбопытствовала Керри.

— Не допускаю. Когда разумные существа достигнут такого совершенства, чтобы перемещаться из одной планетарной системы в другую, им незачем будет демонстрировать свою агрессивность.

Керри с нескрываемым удивлением посмотрела на астронома.

— Выходит, что и наше земное общество, достигнув такого же технического совершенства, станет лучше организованным и справедливым?

— Вне всяких сомнений, — убежденно заявил Джон Мунн.

— Без борьбы, само собой?

— Высокое техническое совершенство я не мыслю без совершенного общественного устройства.

— Да-а, — задумчиво произнесла Керри, пристально посмотрев на молодого астронома, — это у вас что-то очень уж похоже на фабианский социализм. Вы полагаете, значит, что к бесклассовому обществу можно прийти путем мелких преобразований, без всякой классовой борьбы?..

У Мунна было такое растерянное выражение лица, что Керри стало жалко его, и она торопливо проговорила:

— Не будем, однако, спорить на политические темы, я и сама во всем этом не очень разбираюсь.

— Пожалуй, нам действительно не стоит спорить об этом, — охотно согласился Джон. — Тем более что никакого фабианского социализма я не проповедую...

Некоторое время Керри не могла сообразить, какой же еще вопрос можно задать Мунну. Стало даже казаться, что он уже ничем не сможет помочь ей.

— А тайна «космических» телепередач так, значит, и останется тайной? — проговорила наконец она с невольным вздохом.

— Пока да.

— А мне так не с чем возвращаться, значит, в редакцию?

Джон Мунн снова беспомощно развел руками. Чувствовал он себя при этом так, будто виновником всей этой неразберихи с «космическими» телепередачами был он лично.

— Вы уж извините меня, мисс Демпси... — смущенно проговорил он, когда Керри стала с ним прощаться. — Пока, к сожалению, ничем не могу вам помочь. Но, может быть, вы оставите свой телефон? Я поговорю с другими нашими астрономами... Посоветуюсь. У кого-нибудь, может быть, и мелькнет догадка.

Керри дала ему свой телефон, почти не сомневаясь, что ничего достойного внимания Джон Мунн сообщить ей уже не сможет.

10. Первая догадка

Утром Керри с еще большим пессимизмом вспомнила свой вчерашний разговор с Джоном Мунном. Однако едва она пришла в редакцию, как фельетонист Гарри Бортон тотчас же передал ей телефонную трубку.

— Это вас, мисс Керри, спрашивает кто-то. Уже второй раз звонит.

— Мисс Демпси? — услышала Керри знакомый голос. — Это Мунн из Центральной обсерватории. Здравствуйте, мисс Демпси!

— Здравствуйте, мистер Мунн! Что-нибудь новенькое у вас? — с надеждой спросила Керри.

— Да, кое-что... — неопределенно ответил Мунн.

— Так рассказывайте же! — заторопила его Керри.

— Видите ли... — не очень уверенным голосом отозвался Мунн, — по телефону это не совсем удобно. Может быть, вы разрешите заехать к вам?

Такая просьба насторожила Керри. Не ищет ли Мунн просто повода для встречи с ней? Этот красивый парень привык, наверное, кружить головы... Но тотчас же она отогнала эти мысли — нет, не похож Джон Мунн на ловеласа!

— Хорошо, — сказала она в телефонную трубку, — приезжайте!

Мунн приехал только во второй половине дня, когда раздосадованная

Керри хотела уже уйти куда-то по другим редакционным делам.

— Раньше никак не мог, — оправдывался Джон, горячо пожимая ей руку. — Но я не отниму у вас много времени. Все это можно в двух словах. По телефону было неудобно... Вы уж извините, пожалуйста.

— Побаиваетесь комиссии по расследованию? — рассмеялась Керри, у которой сразу же прошел весь гнев, как только она увидела смущенную улыбку Джона. — Они действительно мастера по части подслушиваний.

— Да я, собственно, не испугался... Просто не хотелось вас подводить... — еще более смутился Джон.

Керри лишь снисходительно улыбнулась на эти слова молодого астронома. Она хорошо знала, как запуганы ее соотечественники провокационной деятельностью Комиссии по расследованию антипатриотической деятельности, и не видела в поведении Мунна особенного проявления трусости.

— Дело, видите ли, в том, мисс Демпси, — продолжал Мунн, несколько оправившись от смущения, — что в советских научных журналах, которые выписывает библиотека нашей обсерватории, появились любопытные сообщения. С помощью специальных метеорологических ракет они обнаружили в верхних слоях ионосферы весьма значительное количество продуктов радиоактивного распада.

— А разве это имеет какое-нибудь отношение к загадке «космических» телепередач? — удивилась Керри.

— Имеет. Дело в том, что именно эти слои, как наиболее сильно ионизированные, играют очень существенную роль при распространении коротких волн.

— Но ведь нас интересуют главным образом ультракороткие, — вопросительно подняла брови Керри. — Как ведут себя там эти волны?

— Ультракороткие в обычных условиях даже в этих слоях, как я уже объяснял вам, не преломляются. Но именно здесь можно легче всего искусственно создать такую концентрацию свободных электронов и ионов,

которая начнет преломлять и ультракороткие волны. Обнаруженные русскими радиоактивные частицы в верхних слоях ионосферы как раз могут свидетельствовать об искусственном увеличении концентрации там свободных электронов и ионов.

— А разве обнаруженные в ионосфере радиоактивные частицы не могли попасть туда в результате обычного испытания ядерного оружия? — спросила Керри.

— При испытаниях бомб мегатонного класса, то есть водородных, радиоактивная пыль заносится главным образом в стратосферу, на высоту до тридцати километров. А ионосфера расположена от ста до трехсот километров от поверхности земли. К тому же обнаруженная русскими концентрация радиоактивных частиц в ионосфере значительно выше той, которая зарегистрирована в стратосфере.

— А вы не смогли бы на некоторое время взять для нас эти советские журналы из вашей библиотеки? — возбужденно схватив Джона за руку, спросила Керри. Тут же, однако, она упрекнула себя за такую просьбу, так как понимала, что это может причинить неприятности Мунну.

Джону и самому очень хотелось оказать такую услугу Керри. Но при всей своей наивности он понимал, какие подозрения навлек бы на себя, передав советские журналы такой неблагонадежной, с точки зрения комиссии по расследованию антипатриотической деятельности, газете, как «Прогресс».

— А если я перепишу вам названия этих журналов и статей?.. — запинаясь, спросил он. — Вы ведь и сами смогли бы тогда раздобыть их в какой-нибудь библиотеке...

Керри сделала вид, что не заметила его смущения, и обрадованно воскликнула:

— Ну что ж, очень хорошо! Когда вы смогли бы это сделать?

— Да хоть сегодня вечером! — сразу же повеселел астроном. — Назначьте сами, где бы мы могли с вами встретиться, и я принесу вам этот список.

Керри понимала, конечно, что

Джон проявляет такое усердие не потому только, что хочет помочь прогрессивной газете разоблачить какую-то грязную махинацию поджигателей войны. Ей было ясно, что и сама она играла тут немаловажную роль, поскольку, видимо, произвела на молодого астронома достаточно сильное впечатление. Обстоятельство это вносило, конечно, какой-то элемент легкомыслия в порученное ей серьезное дело, однако Керри не могла не признаться самой себе, что Джон понравился ей своей скромностью и даже какой-то старомодной учтивостью. Подобная деликатность была, впрочем, не совсем понятна ей. Молодые люди с такой наружностью, как у Джона, обычно вели себя весьма самоуверенно, развязно и даже нагло вато.

Все еще раздумывая, как же ей быть, Керри медлила с ответом. Поняв, что девушка не решается, видимо, встретиться с ним вне служебной обстановки, Мунн решил выручить ее из затруднительного положения:

— А может быть, лучше я занесу вам этот список завтра утром в редакцию?

— Нет, это слишком долго, — заявила вдруг Керри, досадуя на свою нерешительность. — Давайте встретимся сегодня вечером.

Однако еще до того, как Керри встретила с Джоном, ей неожиданно позвонил старый изобретатель Темпл.

— Здравствуйте, мисс Демпси! — услышала Керри его глуховатый голос. — Я беспокою вас по тому делу, с которым вы ко мне приезжали. Нет, к сожалению, ничего еще не разгадал. А звоню вот почему: вы не читали еще доклад совещания экспертов по изучению методов обнаружения ядерных испытаний? Да-да, это то самое международное совещание, которое состоялось в Женеве. Есть у вас этот доклад?

— Минуточку, мистер Темпл. — Керри торопливо замахала рукой кому-то из сотрудников редакции, проходившему мимо: — Послушайте, помогите мне, пожалуйста, раздобыть

поскорее доклад экспертов по ядерным испытаниям. Да, правильно, тех, что заседали в Женеве.

А когда на столе перед Керри лежал бюллетень Организации Объединенных Наций с текстом доклада экспертов, она прокричала в трубку:

— Алло, мистер Темпл! Простите, что заставила вас ждать. Доклад, о котором вы говорите, передо мной.

— Очень хорошо. Отыщите тогда второй раздел: «Основные методы обнаружения и идентификации ядерных взрывов». Нашли? А теперь пункт «Е», в котором говорится о методе обнаружения ядерных взрывов, производимых на большой высоте. Обратите внимание на ту часть заключения, из которой следует, что излучение от ядерного взрыва создает в верхних слоях атмосферы область повышенной ионизации. Понимаете, что это значит? Да, правильно. Все это имеет прямое отношение к увеличению дальности передачи ультракоротких волн...

11. Мистер Хэйт решает опередить Каннинга

Издатель «Сирены» был человеком необычайно самоуверенным, считавшим себя не только одним из лучших знатоков газетного бизнеса, но и «обладателем лучшего в Грэндсити нюха на сенсационный материал», как сказал о нем кто-то из сотрудников его газеты. По части подачи сенсационных известий он действительно был непревзойденным мастером. За сенсациями он не только охотился лично, но и «натравливал» на них всю свою репортерскую свору. Недоброжелатели мистера Хэйта говорили даже, что не гнушался он и «изготовлением» этих сенсаций.

— Настоящая сенсационная новость, — поучал мистер Хэйт сотрудников своей газеты, — должна быть опубликована еще до того, как она произошла.

К своим коллегам-издателям и редакторам других газет Хэйт относился либо с презрением, либо с ненавистью. Единственным человеком, кото-

рого он хотя и не любил, но уважал, был редактор «Прогресса» Чарльз Каннинг.

— Это настоящий журналист, — говорил о нем Хэйт, — жаль только, что ничего не смыслит в коммерции. Не понимает, что газета — это такой же бизнес, как и производство подтяжек или жевательной резинки.

Мистер Хэйт вообще был убежден, что газета, издающаяся просто потому, что группа прогрессивных людей, имеющих общие интересы, желает послужить благородному делу, — оскорбление для свободного предпринимательства. Всех, кто не стремился «делать деньги», Хэйт считал не настоящими газетчиками, зря расходующими газетную бумагу, для которой настоящие издатели нашли бы гораздо лучшее применение. И он не сомневался, что Каннинг со своей прогрессивной газеткой рано или поздно, но непременно вылетит в трубу.

«Газетка» Каннинга, однако, довольно устойчиво держалась в нечистых и весьма беспокойных водах свободной прессы, выдерживая даже такие штормы, от которых если и не шли ко дну многие почтенные многотиражные газеты, то изрядно кренились на борт. Умел он также не только выстаивать в шторм и искусно лавировать среди многочисленных подводных рифов в штилевую погоду, но и прокладывать свой курс к намеченной цели с таким мастерством, что даже мистер Хэйт пристраивался часенко в его кильватер.

Вот и сейчас мистер Хэйт внимательно следил за всем, что писал Чарльз Каннинг о сенсационных космических передачах. Нюх Хэйта подсказывал ему, что сенсация эта начинается понемногу выдыхаться. Продлить ее можно было теперь лишь увлекательными поисками разгадки тайн «космического» телевидения, ибо публике стало, видимо, приедаться все это. Каннинг начал уже публиковать кое-что разоблачающее мистификацию генерала Хазарда, но делал это робко, намеками и недомолвками, опасаясь гнева военного министерства, которому, конечно же, было кое-

что известно об этих «космических» передачах.

Такую газету, как «Прогресс», могли без особого шума и вовсе прикрыть под каким-нибудь благовидным предлогом, прояви она большее усердие в разоблачении «космической» сенсации. Другое дело — многотиражная «Сирена», имеющая солидные связи и поддержку многих видных конгрессменов. Неприятностей, конечно, и ей не избежать, но игра все же стоила свеч — читатели ведь всегда жадны до разоблачений. Сенсацию, следовательно, нужно было делать теперь уже не на самой тайне «космических» передач, а на разгадке этой тайны.

В чем же, однако, эта разгадка? Разве попытаешь что-нибудь об этом у генерала Хазарда? Профессора же Писфула генерал запрятал куда-то так надежно, что даже самые опытные репортеры «Сирены» не смогли до него добраться. А вот Каннинг, кажется, пронюхал что-то: за его газетой в часы ее выхода выстаиваются теперь очереди. Были бы у Каннинга достаточные средства, он смог бы в такой обстановке без труда удвоить тираж. Нужно как-то опередить его в подаче разоблачительного материала.

Охваченный тревогой и жадной деятельностью, мистер Хэйт энергично нажал кнопку электрического звонка и вызвал своего личного секретаря.

— Ну, что сегодня нового у Каннинга? — спросил он вошедшего в кабинет высокого молодого человека в сверхмодных очках. — Раскрыл он наконец тайну Оливера Хазарда?

— Вы же знаете этого хитреца, мистер Хэйт, — усмехнулся секретарь, и его продолговатое лицо приобрело угодливое выражение. — Он ведь ничего не утверждает и преподносит публике только факты.

— Какие же?

— Сегодня, например, перепечатал краткое официальное сообщение советского научного журнала об обнаруженных русскими метеорологами радиоактивных частицах в верхних слоях земной атмосферы.

— И только? — удивился мистер Хэйт.

– Да, но завтра он может перепечатать уже целую статью из советской военной газеты. А в ней советский генерал технических войск дает подробное объяснение, каким образом в этих верхних слоях могли появиться радиоактивные частицы.

– А такая статья действительно напечатана в советской военной газете? – настаивал мистер Хэйт.

– Да. Мне только что перевели ее.

– И это проливает свет на тайну «космических» телепередач?

– Почти полностью объясняет их.

Мистер Хэйт задумчиво зашагал по кабинету, похрустывая подагрическими суставами. Хорошо вымуштрованный секретарь, не получив приглашения сесть, все еще стоял у стола в почтительной позе. Служба его у Хэйта была не легкой, зато хорошо оплачиваемой, можно было ради этого постоять перед своим боссом.

Прошло уже несколько минут, а издатель «Сирены» все еще шагал из угла в угол. Видимо, нелегко ему было принять решение...

«Когда же наконец этот старый деспот перестанет скрипеть?..» – с неприязнью думал о нем секретарь, переминаясь с ноги на ногу.

– Вот что! – решительно заявил наконец мистер Хэйт. – Эту статью из советской газеты перепечатаем мы! Не всю, конечно, а основные ее положения.

Секретарь сделал удивленные глаза, собираясь что-то возразить, но мистер Хэйт сердито махнул на него рукой:

– Да, именно так мы и поступим! А кто-нибудь из наших ученых пусть прокомментирует ее таким образом, чтобы начисто все опровергнуть. Тем самым мы продлим период существования тайны космических передач. Что вы на это скажете, молодой человек?

– Да, но... – смущенно забормотал секретарь, – статья русского генерала инженерно-технической службы чертовски убедительна. И потом неизвестно, как еще посмотрит на все это наше военное министерство...

– В нашей стране, слава богу, су-

ществует еще свобода печати, – высокомерно проговорил мистер Хэйт. – Во всяком случае, мои миллионы дают мне право на такую свободу. Никто не запретит мне печатать то, что интересует публику, ибо на этом я зарабатываю деньги. И мне плевать на то, можно это печатать или нельзя, по каким бы там ни было соображениям. – Потом, остыв немного, он добавил уже спокойным, деловым тоном: – А что касается комментаторов статьи советского генерала, то задача их будет состоять в том, чтобы напустить побольше тумана. Запутать все так, чтобы сбить с толку всех наших умников и обезоружить тем самым Каннинга. А одновременно с опровержением советского разоблачения мы будем продолжать печатать новые версии происхождения «космической» агрессии. Главное – побольше тумана, чтобы никто не смог ни в чем разобрататься. Может быть, даже намекнуть на какие-нибудь сверхъестественные силы.

– В наш-то век термоядерной энергии, искусственных спутников и кибернетики?..

– Я взял вас на работу как человека образованного, – раздраженно прервал секретаря мистер Хэйт, в упор глядя в его сразу же оробевшие глаза, – не старайтесь, однако, быть образованнее, чем это мне необходимо!

12. Последняя сенсация

Генерал Рэншэл изо всех сил старался казаться спокойным, но это ему не очень удавалось. Поддерживало его лишь сознание того, что вряд ли еще когда-либо представится случай не только испытать свое мужество, но и прослыть храбрым человеком. Ведь, по сути дела, все министерство оставлено было (если не сказать брошено) на него, так как министр еще вчера утром уехал инспектировать воинские части, расположенные на юге страны. Уехали в различные учреждения министерства и другие его помощники. Даже генерал Хазард, заваривший всю эту кашу, исчез куда-то.

В городе между тем происходила настоящая паника. Почти все, у кого были машины, уезжали из Грэнд-сити. На поезда, идущие на юг, нельзя было достать билетов. Гражданская авиация ввела почти на всех своих авиалиниях рекордное количество дополнительных рейсов и, видимо, неплохо на этом зарабатывала.

А виной всему была идиотская погоня некоторых столичных газет и радиовещательных компаний за сенсациями. И потом еще этот прогноз метеоролога Хинкли, опубликованный во вчерашней вечерней газете...

Помощник военного министра невольно вздрогнул, представив себе, что предсказание Хинкли может сбыться. За себя лично он, впрочем, почти не беспокоился: ему было, где укрыться в случае, если стрелка счетчика Гейгера минует границу предельно допустимой радиоактивности. Страшно было другое – паника, которая станет еще ужаснее, если только сбудется прогноз метеоролога.

Нажав кнопку электрического звонка, генерал вызвал майора Райта. Майор явился тотчас же. Он был, как всегда, подтянут, отлично выбрит и совершенно спокоен.

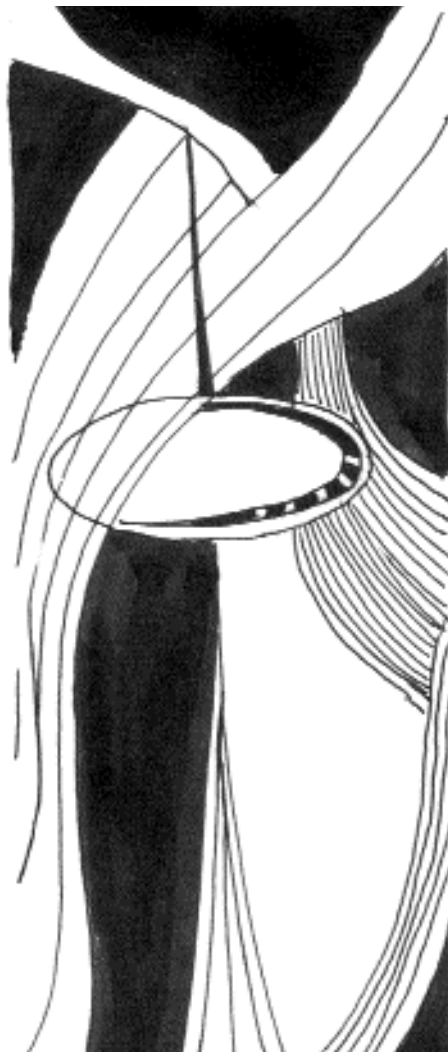
«Вот кому нельзя не позавидовать, – подумал Рэншэл. – Кажется, это самый хладнокровный человек в нашем министерстве...»

– Ну, как дела, Райт? – неестественно бодро спросил он и, стараясь ничем не выдавать своего беспокойства, приветливо улыбнулся.

– Все нормально, сэр, – спокойно ответил Райт, но Рэншэлу показалось, что он немного бравировал.

– А бегство из города?

– Бегут ведь не все. И потом, это не впервые. Помните, перед войной тоже было нечто подобное. Тогда передавали по радио инсценировку фантастического романа Герберта Уэллса, но по техническим причинам в эфир не попало начало этого спектакля. Передача сразу же началась с воплей актеров, сообщавших о приближении к Грэнд-сити воинственной флотилии марсиан. Ну, тут и началось...

– Да, да, я помню этот печальный случай, – недовольно прервал майора Рэншэл. – Однако повод для паники теперь куда существенней. Кто же все-таки бежит из города?

– В основном народ состоятельный.

– Ну, а народ в буквальном смысле?

– Если вы имеете в виду рабочих, то они работают, как обычно.

– Ну, а что говорят в городе о «космических» телепередачах?

– Считают их спектаклем для утешения слабонервных. Новым трюком для разжигания атомного психоза.

— А насчет военного бюджета?

— Говорят и об этом. Не сомневаются почти, что «космические» телепередачи имеют к нему прямое отношение.

— Ну, а вы что об этом думаете?

— Полагаю, что при утверждении военного бюджета «угроза из космоса» действительно может сыграть какую-то роль...

— Вы, значит, полагаете, — сурово спросил генерал Рэншэл, — что «космические» телепередачи — всего лишь мистификация, рассчитанная на достижение определенной политической цели?

— Я не имею права делать такие предположения, сэр, — смиренно проговорил Райт. — Передаю только слухи, которыми полон Грэнд-сити.

— Вы явно намекаете на что-то, майор Райт. Или вы тоже поддались коммунистической пропаганде? Это они, кажется, писали, что как только будет утверждено увеличение ассигнований на военные расходы, космические корабли, устрасясь мощной суммы этих ассигнований, сами собой растворятся в космосе. Если не желаете иметь неприятности, рекомендую вам помалкивать об этом.

— Спасибо за совет, сэр, — смущенно поблагодарил майор Райт и хотел уже было попросить разрешения выйти из кабинета, но генерал, будучи человеком отходчивым, протянул ему коробку с сигарами и спросил уже более мягким тоном:

— Вы должны были сделать мне более полный перевод статьи русских о телевизионных «марсианах». Где же он?

— Пожалуйста, сэр. — Райт торопливо открыл свою папку и подал Рэншэлу лист бумаги с отпечатанным на машинке переводом статьи из советской военной газеты.

— Так-так, — проговорил Рэншэл, пробежав текст глазами. — Они, значит, полагают, что в ионосферу были запущены сверхвысотные ракеты и там, с помощью ядерного взрыва, распылен порошок, усиливающий электронную концентрацию ионосферы на большом пространстве? А лучевая

болезнь, по их мнению, — результат оседания этого порошка на Землю? Вы консультировались по этому поводу со специалистами, Райт?

— Да, сэр. Они не оспаривают этого предположения. Порошок хоть и чрезвычайно мелкий, и каждая частица его обладает совершенно ничтожной радиоактивностью, но отдельные крупинцы под влиянием электрических сил и атмосферных условий могут, видимо, соединяться друг с другом, увеличивая тем самым свою радиоактивность. По наведенным мною справкам, в ту ночь, когда заболели рыбаки, находящиеся на излечении в больнице Красного Креста, над океаном шел дождь. А это способствовало, конечно, слипанию частиц оседающего радиоактивного порошка и усилению его активности. По этой-то причине, наверное, и заболели рыбаки, попавшие под такой радиоактивный дождь.

— А почему же не заболели лучевой болезнью другие люди, находившиеся в океане? — недоверчиво спросил Рэншэл. — Не могло же случиться так, что в океане были в ту ночь только эти рыбаки?

— Конечно, сэр, в океане были, видимо, и другие люди. Но ведь другие находились, по всей вероятности, на пароходах или каких-либо иных крытых судах, а эти рыбаки вышли на лов на легких моторных лодках. У них, оказывается, даже простого кубрика не было. И потом, кто знает, сэр, может быть, вскоре обнаружатся и другие больные... При малых дозах облучения болезнь эта, как известно, не сразу дает о себе знать.

— Ну, хорошо, допустим, что все это действительно так, — снова нахмурился генерал. — Но как же, однако, решились опубликовать подобное разоблачение наши газеты?

— Не газеты, сэр, а всего лишь одна газета. И не какая-нибудь коммунистическая, а вполне лояльная. Издатель ее — Хэйт, видимо, просто не поверил советской гипотезе происхождения «космических» телепередач и, перепечатав ее основные положения, попытался даже иронизировать

над нею. Профессор Дональд, с которым я беседовал сегодня утром, очень удачно воскликнул по адресу этого незадачливого издателя: «О санкта симпличитас!»*

— Ну, если это о Хэйте, то не такая уж это «простота», усмехнулся Рэншэл. — Я-то этого «простака» хорошо знаю.

— На сей раз он, видимо, действительно попал впросак, заметил на это майор Райт. — Советский генерал, автор статьи в советской военной газете, с помощью незадачливого мистера Хэйта достаточно убедительно доказал теперь нашим гражданам, что с усилением электронной концентрации ионосферы начинает отражать ультракороткие волны. Вот, видимо, почему все, что по заданию генерала Хазарда (именно его имя теперь называют всюду, сэр) было заснято в киностудии на пленку, а затем направленной антенной послано в ионосферу, вернулось оттуда уже как «космическое явление». С технической точки зрения, все это вполне осуществимо. Вот почему попытка Хэйта высмеять разоблачение русских не увенчалась успехом. Все поверили именно этому разоблачению, а не его опровержению.

Рэншэл угрюмо молчал, не находя, что возразить. Похоже было, что все именно так и произошло, как докладывал Райт. Досадно только, что в это скандальное дело было замешано имя Хазарда. Сам Рэншэл давно уже недолюбливал этого слишком уж предприимчивого генерала. Имя его, однако, числилось в ряду наиболее известных деятелей военного ведомства, и генералу Рэншэлу не хотелось бы видеть его скомпрометированным. Нужно будет, пожалуй, посоветовать министру поговорить с Хазардом и предостеречь его от подобных поступков...

А майор Райт выкладывал все новые и новые факты.

— И, знаете, что еще создало большую убедительность разоблачению русских, сэр? Опубликованный недавно доклад совещания экспертов по

изучению методов обнаружения ядерных взрывов. В нем прямо так и сказано, что для определения ядерных взрывов, произведенных на больших высотах, могут быть использованы искусственные спутники. А ведь советские искусственные спутники, как вы сами знаете, сэр, чертовски у нас популярны. Им приписывается даже такое, чем они и не обладают вовсе... К тому же в докладе этих экспертов сказано, что именно в результате ядерного взрыва, произведенного в верхних слоях атмосферы, создается область повышенной ионизации, влияющая на распространение радиоволн. А если добавить к этому еще и специальный порошок...

— Ну, хорошо, майор, — прервал его генерал Рэншэл, — можете считать, что вы уже убедили меня. Вот только что мне не понятно: должны же были лица, осуществившие все это, предпринять какие-то меры предосторожности и постараться избежать радиоактивного заражения. Ведь именно это радиоактивное заражение не только способствует их разоблачению, но может грозить нам еще и большими неприятностями.

— Я полагаю, сэр, что их подвел метеорологический фактор, — спокойно ответил майор Райт.

— Какой же именно?

— Ветер, сэр. Неожиданно изменилось его направление. В общем, произошло, видимо, то же самое, что и во время испытания водородной бомбы в атолле Бикини. «Направление ветра, — писалось тогда в официальном сообщении, — к сожалению, не оправдало прогноза, и фронт радиоактивных осадков распространился к югу, так что на пути его оказались острова Ронгелап, Ронгерик и Утирик». А в результате этого неоправдавшегося метеорологического прогноза серьезно пострадало, как вам известно, население всех этих островов. На одном только острове Ронгелап заболело лучевой болезнью двести тридцать жителей. Кто знает, может быть, и мы не гарантированы от подобных неприятностей...

— А какими же мотивами руковод-

* О святая простота! (лат.)

ствовался метеоролог Хинкли? — спросил Рэншэл. — За каким чертом понадобилось ему опубликовать свой прогноз в такой обстановке?

— Он, оказывается, человек религиозный, вот и решил спасти если не все человечество, то хотя бы Грэнд-сити, — пояснил майор Райт. — По его данным, на наш город должен обрушиться сегодня чуть ли не тропический ливень. И если гипотеза русских верна, то в каждой капле этого ливня должна содержаться какая-то степень радиоактивности. Дождь, следовательно, будет радиоактивным.

...В два часа дня действительно пошел довольно сильный дождь. Он, правда, почти не задел Грэнд-сити и ушел дальше на северо-восток. Ученые, выехавшие в районы, омытые дождем, чувствительными счетчиками Гейгера обнаружили в этих местах некоторую радиоактивность почти всех предметов, попавших под дождь. Степень радиоактивности была, однако, очень неравномерна — от совершенно безвредных доз до нескольких рентген в час. А это уже могло вызвать заболевание лучевой болезнью. Опасные районы оказались, к счастью, малонаселенными. Их тотчас же оградили запретительными знаками специальные подразделения войсковой разведки.

Ходили также слухи, будто радиационная разведка обнаружила и более высокую степень радиоактивного заражения, но об этом было строжайше приказано молчать.

В газетах же на следующий день появилось сообщение, из которого следовало, что даже при самом тщательном обследовании местности, по которой прошел дождь, дозиметрическими приборами не было зарегистрировано ни одного рентгена радиации и что будто бы в связи с этим разоблачение русских сплошная пропаганда, как и утверждала еще накануне газета «Сирена».

Но никто, кажется, и на этот раз не поверил опровержению мистера Хэйта, ибо достоверность разоблачения русских так же, как и предсказания коммунистов, подтвердилась полным

прекращением «космических» телепередач вскоре после утверждения Конгрессом бюджета на текущий год. На сей раз, правда, прошло это не так гладко, как прежде. Конгрессмены изрядно пошумели и, не стесняясь в выражениях, критиковали военное министерство. Мало того, размер ассигнований на военные нужды в результате этой критики, а еще более под давлением общественности, пришлось несколько урезать.

А по военному министерству тотчас же поползли слухи, что генералу Хазарду теперь несдобровать. Однако военный министр, возвратясь с заседания Конгресса, вызвал к себе своего помощника генерала Рэншэла и распорядился:

— Тут о генерале Хазарде ходят разные слухи, так я прошу самым решительным образом пресекать их и не назначать никакого расследования. Надеюсь, вы понимаете, генерал, что Хазард руководствовался в своих поступках лишь патриотическими побуждениями.

Заметив некоторое недоумение на лице Рэншэла, он добавил, слегка повышая голос:

— И потом не настолько же вы наивны, чтобы не догадываться, что не за собственный только страх и риск решился Хазард на этот патриотический поступок.

Помощник военного министра и сам давно уже сообразил все это, не понимал он только одного — достаточно ли серьезно представляют в военном министерстве всю сложность будущей атомной войны? Не только ведь атомные бомбы решат ее исход, но и самоотверженные, преданные родине солдаты. А разве граждане его страны, живущие в обстановке непрерывного психоза, смогут, став солдатами, успешно выдержать испытания атомной войны? Разве бросишь этих неврастеников в стремительную атаку через районы, подвергшиеся атомной бомбардировке? А без такой атаки любая атомная бомбардировка будет бесполезна. Следовательно, в будущей войне, как и во всех прошлых, главной силой по-прежнему останет-

ся храбрый, мужественный, верящий в правое дело солдат.

Все эти трезвые мысли генерала Рэншэла постепенно переключились, однако, на собственную персону, и он не без тревоги подумал, что может, пожалуй, иметь неприятности из-за своего недоброжелательного отношения к генералу Хазарду, ставшему теперь в глазах некоторых высокопоставленных лиц чуть ли не национальным героем.

«А что если поправить дело предложением наградить Хазарда?» — мелькнула вдруг счастливая мысль.

И, вздохнув еще тяжелее, Рэншэл принялся сочинять проект представления генерала Хазарда к правительственной награде.

А в это время Керри Демпси сидела в кабинете Чарльза Каннинга и сокрушенно говорила:

— Ах, какая досада, мистер Каннинг, опередила нас «Сирена»... Как же это так получилось, мистер Каннинг? Вот уж буквально — загреб Хэйт жар чужими руками!

— Вы так думаете? — хитро прищурился Чарльз Каннинг.

— А что теперь думать, — безнадежно махнула рукой Керри. — Факт налицо — Хэйт ведь напечатал разоблачение русских раньше нас.

— И вы думаете, это его заслуга?

— А чья же?

— Мне почему-то казалось, что наша.

— Наша?..

— Ну да. Разве Хэйт стал бы печатать разоблачающий материал из советской газеты, если бы мы его к этому не вынудили?

— Вынудили?..

— Вне всяких сомнений. Он ведь страшно любит быть во всем первым. А тут вдруг мы начинаем публиковать материалы, проливающие свет на тайну «космических» телепередач. Какво ему было видеть это? Мог ли он не опасаться, что мы не сегодня-завтра вообще рассекретим всю эту «космическую» аферу? Вот и поспешил.

— И вы ему это позволили? — все

еще ничего не понимала Керри. — Могли ведь и мы эту статью опубликовать.

— Могли, — согласился Каннинг, — да поостереглись. Не очень-то безопасно перепечатывать статьи из советских военных газет. Нас бы сразу обвинили за это в подрывной деятельности. А о Хэйте никто этого и не подумает. Он для наших правителей свой брат-капиталист. Но не считайте, что мы тут что-нибудь проиграли! Напротив, для пользы дела выгоднее даже, что разоблачение мистификации генерала Хазарда было опубликовано тиражом такой газеты, как «Сирена».

— О, теперь я вижу, какой вы хитрый! — воскликнула Керри, готовая по-детски захлопать в ладоши от восхищения.

— Не будь я таким хитрым, — усмехнулся Каннинг, самодовольно поглаживая свою гладко выбритую голову, — нашу маленькую газетку давно бы съели такие шакалы, как бывший ваш босс мистер Хэйт.

— А как же все-таки вам удалось подsunуть ему советскую газету с этой разоблачительной статьей? — все еще не могла прийти в себя Керри. — Разве сами они не выписывают советских газет?

— Выписывать выписывают, да не так читают, как нужно. Вот я их и недоумил. Пришлось подсказать кое-что личному секретарю мистера Хэйта. А уж дальше все пошло своим естественным путем. Ну так что, мисс Керри, по-прежнему вы настаиваете, будто мистер Хэйт загреб жар нашими руками?

— Что вы, мистер Каннинг! — оживленно отозвалась Керри. — Совсем наоборот!

— Все вам теперь ясно?

— Все, кроме одного: кто же практически осуществил «космическую» авантюру? Не сам же генерал Хазард?

— Ну, это было ему ни к чему! — усмехнулся наивности Керри Каннинг. — В его распоряжении был ведь весь технический корпус нашей армии.